

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

БЕГМ

Я ТЕБЯ НАЙДУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рахманина

Беги. Я тебя найду

<https://litres.ru/74321258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то у меня была любимая работа, жених, планы на будущее.

Мечты.

Но он отобрал у меня всё. Растоптал, превратив в прах.

Он вычерпал из моего сердца всё светлое и доброе. Оставив лишь темноту. И жизнь, в которой единственное сильное и чистое чувство, что я могла испытывать, – это чёрная непроглядная ненависть. И желание отомстить.

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	56
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	94
Глава 12	102
Глава 13	111
Глава 14	117
Глава 15	124
Глава 16	133
Глава 17	141
Г	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Елена Рахманина

Беги. Я тебя найду

Дисклеймер

Внимание, 18+.

Этот роман содержит тяжелые и эмоционально сложные темы. В книге есть откровенные сексуальные сцены, в том числе с элементами дабкон (сомнительное согласие), а также возможны сцены с оральным и анальным сексом. В тексте также присутствуют психологическое давление, одержимость, преследование, шантаж, травма, панические атаки и последствия ложного обвинения.

Важно: главная героиня невиновна. Она не совершала того, в чем ее обвиняли. У нее не было сексуальных или романтических отношений с несовершеннолетним учеником. Все обвинения против нее являются ложью и клеветой.

Все персонажи, события, организации и обстоятельства в романе являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, компаниями или ситуациями случайны.

Этот роман – художественная история в жанре дарк-романс. Текст не оправдывает насилие, принуждение или незаконные отношения в реальной жизни. Пожалуйста, начинай-

те чтение только в том случае, если вам комфортны такие темы.

Пролог

Вероника

Почему они на меня все так смотрят? Будто я забыла надеть юбку или бюстгальтер. Или, может быть, у меня на лбу матерное слово из трех букв написано жирным шрифтом?

Я шла по коридору школы, направляясь в учительскую, ловя на себе взгляды. Каждого проходящего мимо.

Школьника, учителя, уборщицы.

Кажется, охранники тоже поглядывали на меня из-за угла. В глазах встречных горело неподдельное любопытство.

Заметила, как Ника из десятого «Б» при виде меня начала что-то яростно шептать своей подружке на ухо. А та, услышав её, стрельнула взглядом в мою сторону и разразилась звонким смехом. Тем самым, который используют девочки, чтобы привлечь внимание. Будто ей известен обо мне какой-то грязный секретик. И она готова поделиться им со всеми симпатичными мальчиками.

Нахмурилась, стараясь не демонстрировать прокравшийся под кожу страх.

Сердце тревожно заколотилось. Уши и щёки начали пылать от столь очевидного и вместе с тем невыносимого внимания. словно прямо сейчас я проживала свой самый жуткий ночной кошмар, в котором я шествую по коридорам школы абсолютно голой.

Что-то случилось. Что-то непоправимое.

Страшная догадка осела на дне сознания. Я не готова была её принимать.

Не может быть, чтобы он исполнил свою угрозу.

Не мог же этот мальчишка оказаться до такой степени моральным уродом.

Или мог?

«Если вы не будете моей, Вероника Степановна, то сильно пожалеете. Я превращу вашу жизнь в ад».

Мороз прошёлся по коже, забрался внутрь и свернулся непереваренным холодным комком на дне желудка.

Зачем-то я даже осмотрела освещённый солнечными лучами школьный коридор. Будто Тамерлан мог стоять где-то у окна со своими друзьями и гоготать вместе с ними, как стайка диких гиен.

Но, не обнаружив его, я наткнулась на директора.

Антонина Викторовна смотрела на меня глазами, горящими яростью.

До этого момента она меня просто недолюбливала – потому что моя бабушка много лет занимала кресло директора до неё. Пока бабулю не отправили на пенсию. Но директриса до сих пор подвергалась сравнениям. Не в свою пользу.

Но козлом отпущения почему-то оказалась именно я.

Теперь же она будто удостоверилась в том, что все её догадки и предположения на мой счёт подтвердились. Что отражалось в странном удовлетворённом взгляде серых глаз.

Будто внутри неё боролись два желания, между которыми она никак не могла определиться: страх подвергать себя и школу риску разбирательств или мечта уничтожить меня.

После минутной заминки женщина в строгом чёрном шерстяном костюме, несуразно сидевшем на ней, направи-лась на меня, словно нефтяной танкер. Тяжёлой поступью вбивая след от своих каблуков в недавно постеленный ламинат. От этого воинственного шага щёки на её сухощавом лице колыхались, как подтаявший холодец.

– Вероника Степановна, живо в мой кабинет, – брызжа слюной, прошипела она сквозь крепко стиснутые зубы и тут же развернулась, даже не сомневаясь, что я послушно поплетусь за ней.

К сожалению, она не ошибалась. Я не могла послушаться. Уйти в учительскую и подготовиться к уроку. Делая вид, что мой мир не рушится, как карточный домик.

Всё в окружающей обстановке подсказывало, что следует ждать беды.

Я почти бежала за директрисой, слыша за спиной смешки и шепотки, становящиеся всё более громкими и откровенными.

И гнала подальше затаённый страх, появившийся в голове после угроз Тамерлана.

«Вы будете моей. Смиритесь. Я привык получать то, что хочу. А хочу я вас».

Глупый, самодовольный мальчишка с таким высоким

айкью, что мог бы закончить школу экстерном и поступить в лучшие вузы мира. А оттого он своим огромным мозгом полагал, что ему в этой жизни ему дозволено больше, чем остальным.

Мы поднялись на этаж выше. После звонка все коридоры опустели, и я перестала быть мишенью для смеющихся и злорадных взглядов.

Когда Антонина Викторовна открыла свой кабинет, пропуская меня вперёд, все мои внутренности стали настолько тяжёлыми, будто их набили камнями.

Двое мужчин в полицейской форме при нашем появлении поднялись, и тогда я поняла – всё хуже, чем я могла вообразить.

– Это Кравцова. Вы ведь её хотели видеть, господа, – с какой-то странной ухмылкой произнесла директриса. И я поняла, какой выбор она сделала, – воспользоваться возможностью растоптать меня.

Я всё ещё ощущала жар на щеках и кончиках ушей, когда подходила к ним. Наверное, в людях на каком-то генетическом уровне заложен страх перед представителями правопорядка. И вот сейчас меня, законопослушную гражданку, он обуял с неистовой силой.

– Здравствуйте, – пролепетала я, как и положено молоденькой учительнице алгебры и геометрии. – Что-то случилось?

Оба представителя правопорядка смили меня колючи-

ми взглядами. Осудили и посадили. А после приговора синхронно кивнули на свободный стул.

Я всегда скромно одевалась. Сегодняшний день не стал исключением. На мне прямая юбка. Скучная белая рубашка, под которой мои молочные железы намертво замурованы спортивным топом, размазавшим её по всей грудной клетке. И пиджак на размер больше положенного, отчего он висел на мне так, будто я сняла его с папани. Если бы он у меня был.

Мне никогда не хотелось становиться объектом интереса мальчишек в пубертате. Более того, я считала гадкими попытки учительниц одеться посексуальнее ради их похабных взглядов.

Наверное, мой юношеский максимализм и сыграл со мной злую шутку. Карма прилетела пощёчиной в лицо. Потому что я всё равно попала в прицел одного парня. Который не давал мне прохода, на полном серьёзе считая, что у нас с ним могут быть отношения.

Бред.

Он для меня ребёнок!

Мой задача – учить его. Не более того.

– Вероника Степановна Кравцова? – обратился ко мне тот, что был помоложе.

Его стылый взгляд вновь прошёлся по мне от макушки до пяток.

Я нерешительно кивнула, ощущая, как плотная хлопковая ткань рубашки прилипает к спине и подмышкам. От охва-

тившего меня жара мне казалось, что я вся пылаю. Будто кто-то кинул меня в эпицентр ядерного взрыва.

– Вас подозревают в домогательствах несовершеннолетнего. Тамерлана Керимова. Вам нужно будет проследовать с нами для дачи показаний.

Керимов ведь именно таким финалом мне и угрожал. Когда отказывала ему в последний раз, я была уверена, что его угрозы пустые. Что он не посмеет их реализовать, зная наперёд, что последствия станут для меня фатальными.

Но оказалось, что нет. Он действительно решил разрушить мою жизнь. Только потому, что я ему отказала.

От невыносимого ощущения несправедливости на глаза навернулись слёзы.

– Это какая-то ошибка, – мой голос звучал жалко.

Я ведь на самом деле знала, что это не ошибка.

Он просто исполнил угрозу.

Господи, как же это обидно...

Я всегда следовала правилам. Была хорошей девочкой. Училась только на отлично. Ухаживала за бабушкой. Работала с первого курса университета. И что в итоге получила?

Слезы покатались по щекам.

Какое дикое унижение.

Двое представителей правопорядка вели меня под конвоем. Я слышала, как распахиваются двери кабинетов. Как из них выглядывают нетерпеливые учителя в компании любопытных школьников.

Охают. Вздыхают. Пока я с понурой головой иду вперёд.

– Вы знаете, сколько лет лишения свободы предусмотрено за ваше преступление? – обратился ко мне тот, что постарше.

Тамерлан. За что ты так со мной?

Я ведь просто отстаю свои границы. Объяснила, что он ещё маленький. И найдёт ту самую.

Но, видимо, это не сработало.

Глава 1

Десять лет спустя

– Ника, ты уверена, что хорошо всё обдумала? – из кухни раздался встревоженный голос бабушки, пока я, справляясь со страхами, бросала вещи в чемодан.

Нет, не уверена.

От мысли, что мне придётся вернуться на родину, подкашивала дурнота, а головная боль сдавливала виски.

Но я знала, что оттягивать дальше этот момент уже невозможно.

Я ощущала, что жизнь буквально вытекает сквозь растопыренные пальцы.

И не только моя. Но и бабушкина, которой требовалось полноценное лечение, которое ей просто не могли оказать в том месте, где мы находились.

А на зарплату, что я получала, живя в небольшом городке в Армении и удалённо работая на несколько компаний, я могла позволить себе не так уж много. Снимать нам жильё. Покупать еду и лекарства для бабушки. Но не более.

В своё время бабушка продала трёхкомнатную сталинку в районе Садового кольца, чтобы оплатить услуги адвоката. И пожертвовала собственным здоровьем, получив инсульт, когда узнала, в чём обвиняют её дражайшую внучку. После инсульта она частично потеряла зрение и возможность управ-

лять своим телом, оставшись навсегда прикованной к инвалидной коляске. Это происходило в разной последовательности, но итог один – мы всё потеряли.

Казалось бы, я знала, что моей вины в случившемся нет. Весь кошмар, в котором погрязла моя жизнь, дело рук другого человека. И всё же раз за разом я возвращалась в тот год, когда произошло знакомство с этим... моральным уродом.

Вновь (как и тысячи раз до этого дня), анализировала своё поведение, пытаюсь выцедить из него что-то недозволительное. Может быть, лишнюю улыбку, которая стала поводом и спусковым крючком. Слишком откровенные наряды – хотя это смешно. Даже коллеги, учителя, обвиняли меня в излишней чопорности.

Я не принимала сексуальных поз, стоя у доски. Старалась не оставаться ни с кем наедине.

Я просто выполняла свою работу.

И вновь от этих мыслей на глаза набежали слёзы. Обидные, горячие, разъедающе солёные.

Судорожно вздохнула, запихивая свои обиды подальше. Утрамбовывая их вместе со одеждой в чемодан.

Спальню озаряло раздражающе позитивное солнце, чего нельзя было сказать обо мне. Но, возможно, именно из-за высокого уровня витамина «Д» моя кукушка и не уехала безвозвратно.

– Бабушка, не переживай, – ответила, влив в свой голос весь заряд оптимизма, что у меня имелся, – всё будет хоро-

шо. Столько лет прошло. Уверена, меня никто не узнает. Да и Москва... огромный город.

Мои слова звучали лживо.

Вибрация сотового отвлекла от самобичевания.

– Ника, добрый день, – фамильярно защebetала эйчар «ВикториНова» – компании, в которую я прошла отбор.

Вроде я давно не учительница, а всё равно коробит, когда малознакомые люди обращаются по имени. Впрочем, судя по тонкому и весёлому голоску – мне предстоит общение с очередным зумером. А у них всё построено на иных правилах. Нежели у нас – миллениалов.

Страх, что я окажусь самой старшей в компании, да ещё и на низшей должности, кусал.

– Добрый день, Ива! – излишне бодро поздоровалась в ответ.

– Хотела напомнить, что завтра у тебя встреча с руководителем группы в два часа дня в нашем офисе, – отрапортовала девушка и, попрощавшись, повесила трубку.

Знала, что это просто формальности. Технически я уже стажёр. Со смешной зарплатой, но самое важное – с полным ДМС для меня и бабушки с первого дня работы.

И всё же живого общения с посторонними людьми в моей жизни последние годы было критически мало. Поэтому, оказавшись в аэропорту Еревана, я подверглась лёгкой панической атаке от скопления большого количества настоящих, а не виртуальных людей.

Сердце заколотилось в груди на полных оборотах. Вжух-вжух. Работая, словно двигатель самолёта, в который мне скоро предстоит забраться.

– Ника, ты белее мела, – заворчала бабушка, тревожно обернувшись на меня в инвалидном кресле. После чего хлопала по ледяной руке, вырывая меня из-под толщи воды наружу.

Я ощущала, как тонкая струйка пота скатывается по моей спине.

Позорище. Нормальные люди так не реагируют на толпу. Только глупые поломанные девочки.

Прикусила губу, пока она не лопнула, а металлический привкус крови не растёкся по языку.

– Ещё не поздно. Мы можем вернуться обратно, – прозвучал её взволнованный голос. Я крепче сжала ручки инвалидного кресла, везя бабулю по направлению к нужному гейту.

Я знала, что выгляжу жалко и не могу пересилить себя даже ради её спокойствия. Хотя занималась этим с тех пор, как вышла из тюрьмы.

То, что причиной являлись реабилитирующие основания, не сгладило последствия заключения. Да, меня оправдали. Признали невиновной. Но это не вернуло мне обратно двух изувеченных лет жизни. После выхода из колонии я не оказалась вновь в той исходной точке, из которой рухнула в пропасть.

Нет.

Тряхнула головой, избавляясь от вязких, тёмных, разъедающих душу сожалений.

Минуя магазинчики с очками, я заглянула в зеркало, обнаружив в нём неряху с лицом землистого цвета. Выгляжу так, будто она вот-вот избавится от завтрака.

Сальные волосы, затянутые в высокий пучок, не добавляли мне очарования. В безразмерной рубашке в клетку, накинута на белую футболку, и в таких же свободных джинсах меня можно было с трудом причислить к женскому полу. Единственное, что выдавало меня, – это мои вторичные половые признаки. Потому что сиськи третьего размера, придавленные топом, всё равно являли себя миру.

В целом меня можно было бы отнести к типичным гикам.

Пришлось выпить успокоительного и ледяной воды, чтобы немного прийти в себя и заставить свою задницу залезть в этот катафалк с крыльями.

Ненавижу летать.

Стюарды помогли моей бабушке устроиться на её месте и даже предложили повисить класс на бизнес. Но она отказалась, потому что не хотела оставлять меня одну. Как бы я ни уговаривала её привилегиями в виде более вкусной еды и безлимитного шампанского.

Уткнувшись лбом в окно иллюминатора, я повторяла про себя словно мантру: «Всё будет хорошо. Меня не узнают. Меня не начнут травить».

Раз за разом.

Эти страхи превозмогали мою нелюбовь к перелётам.

Время в полёте стремительно пролетело. Жаль, что это был не трансатлантический перелёт. Я предпочла бы находиться как можно дальше от своих триггерных точек.

Сердце дрогнуло, когда под крыльями самолёта буквально зажглись тысячи огней, – Москва.

Я не желала останавливаться у кого-то из прежних знакомых. Даже на день. Поэтому, пожертвовав накоплениями, сняла в посуточную аренду небольшую студию. Чтобы привести себя в порядок и подыскать жильё.

Вроде Ива говорила о том, что после успешного прохождения испытательного срока мне будет положено конторское жильё. Но я особо на это не рассчитывала. И уже заметила пару вариантов на долгосрочную аренду.

В том месте, где мы с бабушкой жили, не всегда присутствовала горячая вода. Поэтому я час откисала в ванне, пока пальцы на ногах не сморщились до такой степени, что могли бы начать прилипать к камням. Если бы мне требовалось ходить по дну океана. А лёгкие не превратились в жабры.

Осталось самое сложное – и это точно не макияж. На него я не планировала тратить время. Лишь высушила волосы, сделав низкий хвост.

Нужно выбрать, что надеть.

Но весь мой гардероб безвозвратно устарел. И потребуются долгий виток моды, чтобы содержимое чемодана хотя бы в какой-то степени считалось актуальным.

Но ведь это компания для гиков? А значит, им должно быть наплевать, что я не в курсе последних тенденций.

Выбор остановился на джинсах мамс и хлопковом свитшоте. До зумера я, конечно, не дотягиваю. Но лучше, чем заявиться на новую работу в том, в чём меня сопровождали в СИЗО.

– Такими темпами, Ника, я не выдам тебя замуж. Мужчины любят глазами. – Бабушка покачала головой, стоило ей увидеть меня.

– Мужчины? Упаси боже, – фыркнула. – Единственное, в чем я нуждаюсь, – это деньги.

– Но и любовь тебе нужна. Чтобы кто-то о тебе заботился. Зря я надеялась, что бабушка уже поставила крест на моей личной жизни.

– Ты обо мне заботишься. А я – о тебе.

– Я не вечная, – возразила бабуля.

– Вечная! Я об этом позабочусь.

В ответ раздалось невнятное бормотание.

– Ты такая красивая. А рядишься в непонятное тряпье. В таком раньше только дворники работали.

Я тяжело вздохнула.

– Ты умная, красивая, интеллигентная и образованная девушка, – перечисляла бабушка мои мифические и никому не нужные достоинства, – не может такого быть, чтобы для тебя не нашёлся достойный мужчина.

Не признаваться же бабушке, что меня до чёртиков пугало

внимание мужчин. Из-за него однажды я уже находилась под следствием.

Да и что означает достойный? Кого он должен быть достойным? Девицы, которая полгода провела в СИЗО и полтора – в колонии по обвинению в совращении малолетнего?

Уверена, что каждый, кто узнает о моём прошлом, будет бежать от меня теряя тапки.

– Мне пора, бабуль. Не скучай.

Я вылетела из квартиры, окунаясь в сомнительной свежести московский воздух.

Я скучала по этому городу.

Сильно. До боли.

Но, открыв приложение московского метро, зависла. Кого-то, похоже, обуяла гигантомания. Перед вылетом следовало проверить, не провёл ли Собянин метро до Еревана. Может, я могла добраться на метро?

Дорога заняла два часа. И большую часть из этого времени я просто тупила, потерявшись среди тысяч людей, окруживших меня в метрополитене.

Сердце надрывно колотилось. Меня пугала перспектива прийти на встречу мокрой от пота как мышь. Забредя в огромный торговый центр, из которого можно быстро попасть в нужную мне башню, я спряталась в небольшом проходе.

Меня потряхивало. Голова разрывалась. Я прислонилась лбом к холодному кафелю, чтобы хотя бы как-то ощутить

опору под ногами. Наверное, чтобы не позориться, следовало запереться в кабинке туалета. Но я ненавижу посторонние запахи.

Не знаю, сколько так я простояла, пока сердце не пришло в норму.

– Девушка, с вами всё в порядке? – над ухом раздался низкий, дразнящий барабанные перепонки баритон. Порочный и ласковый одновременно.

Что-то внутри меня дрогнуло. Нечто давно забытое. Кажется, женская гордость. Потому что чутьё подсказывало, что обладатель голоса красив. А сейчас я едва тяну на троечку. Из десяти.

Покачала головой, надеясь, что он уберётся. И мне не придётся встречаться с ним глазами.

– Да. Паническая атака. Мне нужно побыть одной, – сдавленно промычала.

И голос рядом со мной испарился.

Слава богу.

Спустя пятнадцать минут мне стало чуточку легче дышать.

Я смыла липкий пот над раковиной общественного туалета.

Знала ведь, что будет трудно. Почти невообразимо. Но всё равно попёрлась.

Охладив ладонь под струями ледяной воды, я приложила её к задней поверхности шеи. Напряжение потихоньку от-

пускало.

И этот голос... странно, но он казался смутно знакомым.

Остальные «уровни» прошли уже на автопилоте. Мой мозг будто отключил парочку рецепторов, чтобы не воспринимать оглушающий московский гул в полную силу. Рой людей слишком сильно и громко давил на мою нервную систему. Пока я наконец не очутилась в кресле напротив руководителя группы.

Неприлично молодого парня, смотрящего на меня со смесью удивления и жалости.

Ха! Именно на такой эффект я и рассчитывала.

– Ты старше, чем я думал, когда мы с тобой общались через платформу, – натянуто улыбнулся он, поправляя свои очки.

Типичный гик. Отлично. Уверена, что он ещё более жёсткий интроверт, чем я. А значит, как можно скорее захочет избавиться от моего общества.

Он рассказывал мне о компании, пока я подписывала все необходимые для трудоустройства документы. Включая соглашения о неразглашении. В случае нарушения которого мне придётся продать все свои органы вместе с органами бабушки, чтобы расплатиться.

Когда последний росчерк был оставлен, я выдохнула.

Правила компании оказались весьма жёсткими. Я даже уволиться не могла по своему желанию, потому что, погрузившись в процесс, стану ценным носителем информации.

Штрафы. Штрафы. Штрафы.

Жуть.

Подпись под договором превратила меня в собственность
«ВикториНова».

Визуал (взрослого) героя:

Глава 2

Руководитель группы, на бейдж которого гордо светилось имя Илья, проводил меня в закрытое пространство с рядами столов, утыканных мониторами, как ежи иголками.

Без окон рабочий кабинет больше напоминал подсобку для хранения инвентаря для уборки. Меня запихнули на самый низ пищевой цепочки компании. Здесь я занимала нишу сразу после клининг-сервиса и кофе-леды.

– Ты находишься на испытательном сроке. Будешь лажать – выпрут, и ты больше не сможешь устроиться ни в одну мало-мальски приличную контору, – усмехнулся Ильюша, с безразличностью демонстрируя моё место.

Рабочее.

Но, несмотря на низкий статус, впервые за многие годы сердце радостно забило в груди. В сладком предвкушении чего-то нового.

Возможно, в этом тёмном местечке меня наконец настигнет светлая полоса.

Здесь пахло кофе, энергетиками и подростковыми гормонами. С оттенком застарелого пота парней, которые считали, что они слишком умные, поэтому мыться им не обязательно.

Все ребята в отделе оказались неприлично юными.

На вид – вчерашние школьники. Девочки и мальчики. Я на их фоне – тётка, которая в свои тридцать четыре года

должна была уже иметь кольцо на безымянном пальце и менять стильные наряды. А не носить поношенные джинсы и футболки.

Благо меня подобное не сильно волновало. Но для них я точно неудачница. Потому что не сумела реализовать чужие стандартизированные мечты.

Мое место оказалось в самом дальнем углу. Закуток, отгороженный от основного зала стеллажом с какой-то технической литературой (уверена, никто из местных зумеров ни разу не держал в руках бумажную книгу) и фигурками героев из комиксов «Марвел».

Я обустроила свою норку с тщательностью крота, роющего подземный ход вдали от травоядных зумеров. Принесла свою кружку, на которой было написано лишь одно слово – «Скукота». Поставила на стол кактус – как невербальное предупреждение о моей колючей личности. Включила компьютер и погрузилась в строки кода.

Я впитывала информацию, вникала в проекты. В офисе меня почти не замечали. Ничем примечательным я пока не выделялась.

Хотя похороненная часть моего эго стремилась к большему.

В компании существовал довольно занятный рейтинг. Не знаю, на основании каких алгоритмов он строился, но пока я занимала тридцатое место из тридцати. То есть я являла собой полный ноль. Что весьма болезненно ударило по моей

самооценке.

Я догадывалась, что чем интереснее проекты, выходящие из-под пальцев разработчиков, тем выше рейтинг. А я пока дорабатывала за тем, кто сбежал, как только представилась возможность, следовательно, никак не могла себя проявить.

И всё же я ощущала вдохновение. Меня переполняли идеи.

Я почти поверила, что всё будет хорошо. Что Москва не переварит меня, не прожёвывая. Что прошлое осталось позади.

Я смогла усмирить свои шалящие нервы. Тревога изматывала меня куда сильнее, чем любая работа.

Покинув своё убежище, чтобы долить воды в термос. Сгорбившись, как старый гном, я ждала, пока моя тара наполнится.

По коридору шёл мужчина.

Время зависло в одной точке. Холод проник под рёбра, больно сжимая лёгкие. Мешая дышать и шепча об очередном приступе панической атаки.

То, что я видела перед собой, вызвало во мне священный ужас.

Не поняла, что в первую очередь показалось мне знакомым в этом человеке.

Может быть, исполинский рост. Он был таким же уже в школе. Задевал макушкой дверные проёмы.

Или волосы цвета тёмного шоколада, в котором тонул

электрический свет ламп. С чёлкой, падающей на гладкий лоб.

Взгляд лихорадочно заметался по мужской фигуре, выхватывая детали: чёрная водолазка, плотно облепившая торс. Будто обладатель этого выточенного в спортзале тела желал продемонстрировать миру свою идеальную форму. Чёрные брюки и грубые ботинки дополняли образ.

Он напоминал пресловутую чёрную дыру в космосе, вытягивающую весь свет из космоса. И из меня.

Быстрое и хаотичное биение сердца рвало грудь. Кровь отхлынула от лица, а потом прилила обратно обжигающей волной.

Он.

Это не может быть он.

Я смотрела на то, как мужчина движется на меня, словно сходящая лавина. И ощущала, как события десятилетней давности спрессовались в этот момент. Придавив меня к земле.

«Это не может быть», – повторяла я как мантру под нос. Это не может быть обладатель того лица, что снилось мне в кошмарах.

Мир же не может оказаться настолько жесток, чтобы свети нас таким образом?

Он прошёл мимо, даже не взглянув в мою сторону, и завернул за угол. Когда я, движимая порывом, направилась следом за ним, в коридоре уже никого не оказалось.

Я готова была убедить себя в том, что это галлюцинации из-за непрерывной работы и большого количества травяного чая, который я пила литрами. Потому что мой психолог говорила, что он успокаивает.

Ты обозналась. Ты просто перенервничала. Этого не может быть.

Вернувшись на своё рабочее место, я безуспешно пыталась успокоить себя, уткнувшись лбом в столешницу. Делала дыхательную практику.

Это точно не он.

Я видела фамилию генерального – некий Ямадаев. А во все не Керимов. Даже инициалы не совпадали: Ямадаев Тамерлан Якубович. В то время как моего кошмара звали Керимов Тамерлан Ильдарович.

Они просто похожи... ужасающе.

Я залезла в сеть, но ни одной фотографии руководителя и бенефициара «ВикториНова» не нашлось. Хотя ожидала обнаружить фото, как у Паши Дурова, – голого по пояс в ванне со льдом. Или как там любят фотографировать себя чокнутые миллиардеры.

Так прошёл ещё один рабочий день. Вечером у меня состоялся экстренный сеанс с моим психотерапевтом. После часа беседы и потраченных пяти тысяч полегчало моё сознание и кошелёк.

Ровно до того момента, пока наш закуток не посетили небожители.

О том, что к нам пожаловали миноритарные собственники, я поняла по внезапно повисшей противной тишине. Даже Илья подобрался, одёрнул помятую футболку и вытянулся по струнке, напоминая суриката в момент смертельной опасности.

Я оторвала взгляд от монитора и почувствовала, как остатки кислорода с шипением покидают мои лёгкие.

Узнавание произошло мгновенно. И ощущалось колото-резаной раной в брюшной полости. Больно и мешало дышать.

На этот раз пришельцев из прошлого оказалось двое.

Парень и девушка.

Младше и успешнее меня. Хотя именно стараниями их дружка меня размазали по Уголовному кодексу, как таракана книгой по полу.

Девушка шла впереди. Укладка в стиле старого Голливуда, модный костюм от «Миу-миу». Завершал образ надменный взгляд прозрачных голубых глаз и огромный бриллиант на безымянном пальце. Его сияние ослепляло даже меня. Хотя преломлять лучи света в нашей тусклой коморке он смог бы, лишь наплевав на законы физики.

Нелли.

Моя ненавистная ученица.

И, как я успела узнать из сплетен в курилке, счастливая невеста главного босса. Того самого, которому принадлежало восемьдесят процентов компании. Оставшиеся двадцать

делили его невеста и его друг.

Я отгоняла от сознания ту картинку, что рисовал мой воспалённый испуганный мозг. Но пазл складывался с мучительной точностью.

Вчера я не ошиблась. Это был Тамерлан.

Нелли остановилась прямо напротив моего закутка. Смерила меня таким взглядом, словно её дорогие туфли только что угодили в навоз.

– Илья, – протянула она брезгливо, даже не глядя на тимлида, – я просила набирать свежую кровь. Молодых, амбициозных ребят с горящими глазами. А это что за благотворительная акция для предпенсионеров? Мы здесь игры создаём или открыли курсы компьютерной грамотности для тех, кому за тридцать?

Мои щёки вспыхнули. Ярость разлилась по жилам, выжигая всё доброе и светлое из моего тела.

Нелли меня не узнала.

Впрочем, немудрено. Десять лет назад я была молодой наивной учительницей, а она – стервозной старшеклассницей, которая сидела за одной партой с Тамерланом. Теперь же я для неё – просто грязь. Отребье.

– Остынь, Нель. Не будь такой вредной, – прозвучал ленивый мужской голос.

Спутник Нелли шагнул вперёд, выходя из темноты на свет.

Денис Григорьев.

Так погибла моя последняя и единственная нервная клетка.

Ещё один фигурант моего уголовного дела. Похоронившего мою карьеру вместе со мной.

Свидетель, дававший показания против меня. Верный прихвостень Тамерлана, выросший в самоуверенного, лощёного ублюдка в сшитом на заказ в Италии костюме. Пижон.

В отличие от Нелли, Денис смотрел на меня иначе.

Сначала скользнул скучающим взглядом, затем замер. Его зрачки слегка расширились, а на губах медленно, как ядовитый плющ, расцвела издевательская ухмылка.

Этот ублюдок узнал меня сразу.

Сердце зашлось в бешеном ритме, напоминая о приближении панической атаки.

– А мне нравится, – мурлыкнул Денис, наклоняясь так близко, что я уловила запах его вишнёвой жвачки. – Есть в ней что-то... классическое. Строгое. Как в училке. Знаешь, Нель, я ещё со школы питал слабость к женщинам постарше.

Он намеренно выделил последнее слово, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде плясали черти. Он наслаждался моим ужасом.

– Фу, Денис, тебя опять тянет на раритет, – поморщилась Нелли, любуясь своим помолвочным кольцом. – Тамерлан ждёт нас в переговорной.

Она развернулась и поплыла к выходу.

А Денис задержался. Он склонился ещё ниже, приблизив-

шись к моему лицу, и прошептал так, чтобы слышала только я:

– Какая встреча, Вероника Степановна. Рад видеть, что тюрьма не сильно испортила вашу внешность. Есть чем наслаждаться. Как насчёт того, чтобы вспомнить старое? Проведёте для меня индивидуальный урок?

Визуал героини, времен работы в школе:

Глава 3

Я сидела ни жива ни мертва, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники стула.

Денис тихо, по-звериному рассмеялся, выпрямился и подмигнул мне.

– Увидимся на планёрке, Вероника Степановна. Постарайся не скучать.

На планёрке? Хрена с два мы ещё когда-нибудь увидимся.

Мне было физически плохо. Лёгкие отказывались работать, схлопнувшись, как сдутые воздушные шарiki. Единственное, чего сейчас отчаянно требовал мой организм, – это испариться из этого проклятого места и никогда здесь больше не появляться.

Сомнений больше не оставалось. По какой-то злой, извращённой иронии судьбы я угодила в компанию, которой руководили те самые три отморозка, искалечившие мою жизнь.

Но хуже всего, что никакого бумерганга никто из них не получил. Наоборот. Они выросли, надели дорогие костюмы, обзавелись властью и деньгами.

А что получила я? Испорченную репутацию и долги.

Как только способность дышать частично восстановилась, а сердце перестало пробивать грудную клетку изнутри, я направилась к Илье. Мне жизненно необходимо было узнать, на каких условиях я могу прямо сейчас расторгнуть трудо-

вой договор.

Я пыталась вспомнить, как именно наткнулась на сайте по поиску работы на эту компанию. Чёрт, я откликнулась на такое огромное количество вакансий, что они размылись для меня в одно пятно.

Могли ли они намеренно заманить меня в ловушку?

От этого предположения пробило дрожью, когда я буквально рухнула на стул перед столом Ильи. Он выглядел хмурым и подавленным. Очевидно, этому парню тоже не доставляли никакого удовольствия визиты этих двоих.

За эту неделю мы немного притёрлись друг к другу. И, когда он увидел результаты моего труда, мой рейтинг явно повысился в его глазах.

– Слушай, Гаечка. – Илья сочувствующе скосил взгляд на героиню из «Чипа и Дейла», что сегодня украшала мою футболку. Как тотемное существо, призванное защищать меня от злых духов. Не сработало. – Ты не бери в голову. Они тут особо ничего не решают. Всё в руках нашего шефа.

От его слов мне стало только хуже. Знал бы Илья, кто именно этот шеф.

Чтобы сидеть напротив минишефа, изображая из себя почти здорового и несломленного человека, мне приходилось выжимать из своих жил все силы. В то время как меня одолевало дикое желание скатиться в истерику.

Но мне она не по карману.

– Я не думаю, что у меня получится тут работать, – мой го-

лос звучал сдавленно и незнакомо. – Илья, какие есть варианты для расторжения трудового договора? Желательно одним днем.

Илья тяжело вздохнул и опустил взгляд на клавиатуру. Он явно выглядел смущённым и даже немного виноватым.

– Ну... у нас жёсткие условия срочных трудовых договоров. Придётся выплатить отступные за досрочный разрыв. Плюс, так как ты просила авансом три зарплаты – тебе нужно их вернуть в полном объёме в течение пяти дней. А дальше на эту сумму начнут капать проценты по “ключу”. Плюс штрафы конторы.

Чёрт. Зачем я взяла эти деньги?

Да, они были критически нужны на операцию для бабушки. Иначе неизвестно, сколько пришлось бы ожидать квоты. Но ведь это всё можно было как-то попытаться отложить, перехватить в другом месте, найти подработку! Не могу же я прийти к ней и сказать, что лишу её единственного шанса на нормальное лечение только потому, что испугалась?

– Боже, – судорожно выдохнула я, пряча лицо в ледяных ладонях.

– Я тут ничего не решаю, Ника, правда, – тихо произнёс Илья, видя мое отчаяние. – Ты можешь попросить «вольную» у шефа. Он как раз сегодня тут. Есть шанс, что он войдёт в положение? Предложит тебе рассрочку, спишет штрафы или что-то вроде того.

– Других вариантов нет? – спросила я, глядя на него

сквозь пальцы.

– Боюсь, что нет.

Боже мой. Мне придётся встретиться с этим ублюдком.

Даже моё самое больное, истерзанное ночными кошмарами воображение никогда не рисовало мне картинку нашей первой встречи спустя десять лет. Единственное место, где я готова была бы с ним пересечься, – это где-нибудь в грязной подворотне. Где он, сломленный и поверженный, лакал бы, как бездомная собака, мутную воду из лужи, а я прошла бы мимо.

Сидя там же перед Ильёй, я с силой тёрла щеки, пытаюсь вернуть лицу хоть какую-то чувствительность. Кожа казалась чужой, онемевшей от стресса.

Выхода нет. Я должна встретиться со своим главным кошмаром один на один. Посмотреть ему в глаза, выторговать свою свободу и уйти, чтобы больше никогда в жизни не видеть никого из них.

Если это не ловушка, думаю, ему самому не захочется терпеть мою физиономию поблизости. Не так ли?

Мне было до одури непонятно, как из сотен, тысяч айти-компаний в огромной Москве я угодила именно в эту. Которая, раскинув свои липкие, невидимые паучьи сети, так легко и незаметно затянула меня прямо в пасть к хищнику.

Но какой Тамерлану резон принимать меня к себе?

Я поднялась со стула.

Весь наш офис занимал один огромный этаж в башне «Си-

ти», но казалось, что мы существуем в разных вселенных. Каждый шаг по длинному коридору, уводящему прочь от нашей тесной каморки без окон, давался с неимоверным усилием.

Чем ближе я подходила к крылу избранных, тем заметнее становилась разница между нами. Полумрак и запах пережжённого кофе сменились панорамными окнами в пол, заливающими пространство ослепительным светом, современным интерьером, призванным впечатлить инвесторов. И тишиной.

Я подошла к длинному стеклянному столу, за которым сидела секретарша, – красотка, похожая на биоробота. Она окинула взглядом мою посеревшую футболку и старые джинсы, но ни одна эмоция не проступила на её кукольном личике.

– Вы к кому? – её голос прозвучал вполне дружелюбно. Видимо, настройки с прошлых гостей ещё не сбились.

– К Тамерлану... Якубовичу, – выдавила я, с трудом заставив себя произнести его новое, чужое отчество. Сердце билось где-то в горле.

Девушка изгибает бровь, не спеша звонить шефу, пока я не назову цель визита. И награждает меня взглядом из серии: детка, к нему приходят крошки и погорячее тебя, чтобы залезть в штаны.

– По вопросу расторжения трудового, – быстро добавляю. Секретарша изогнула идеальную бровь, явно недоумевая,

почему какая-то оборванка-стажёрка пришла с такой мелочью напрямую к генеральному директору.

– Подождите, – бросила она и изящным пальцем нажала кнопку на селекторе. Явно ожидая, что сейчас ей прикажут послать меня куда подальше.

В приёмной было так тихо, что я слышала только собственное надсадное дыхание.

– Тамерлан Якубович, – почтительно проворковала девушка в трубку. – Прошу прощения за беспокойство. Здесь стажёр из отдела разработки, Вероника Кравцова. Говорит, что к вам по поводу увольнения.

Лёгкая заминка. Я слышала ответ, но не сумела разобрать слов.

Секретарша удивлённо моргнула.

– Проходите, – произнесла она с ноткой растерянности в голосе и кивнула на высокую дверь из матового стекла.

Глава 4

Я решительно двинулась в указанном направлении. И... замерла, остановившись в шаге от цели. Уперев затуманенный взгляд в хромированную дверную ручку.

Сердце не билось. Оно гудело в груди от зашкаливающей частоты сердцебиения.

Его стоит бояться.

Я не учла это десять лет назад, когда воспринимала его слова и поступки как баловство.

Во что могло вырасти чудовище, способное растоптать жизнь другого человека?

Он когда-нибудь раскаивался в содеянном? Мучила ли его совесть? Представлял ли он вообще, что мне пришлось пережить в тюрьме? Думал ли о том, что обрѣк меня видеть кошмары, сотканные из воспоминаний?

Я поняла, что, если продолжу накручивать себя и дальше, сдохну прямо на месте.

Никогда не считала себя сильной. Мне всегда хотелось прожить обычную, ничем не примечательную жизнь.

Кажется, бог отмерил мне запас прочности именно для такого существования.

Скучного. Обычного.

Но потом резко передумал...

За эти годы я тысячу раз я ощущала, как ломается мой

хребет. Как меня гнут во все возможные стороны. Должна была уже выплавиться в стальную пружину. Но сейчас, стоя на пороге своего прошлого, я вновь стала той наивной учительницей. Перепуганной девчонкой.

Ощущая, как желудок выворачивается наизнанку, я сделала шаг. Холод металла обжёг ладонь.

Не знаю, чего я ожидала, но, когда я переступила порог, хозяин кабинета даже не поднял на меня взгляда от экрана ноутбука. Я замерла, уставившись на него. Вглядываясь в свой кошмар наяву.

– Присаживайтесь, – сухо бросил он, кивнув на стул напротив.

На «вы».

В школе, дожидаясь, пока класс опустеет, чтобы остаться со мной наедине, он всегда обращался ко мне на «ты». Будто пытался стереть границу между нами.

Ноги не хотели слушаться. Хотели бежать отсюда подальше. Но каким-то чудом я добралась до предложенного места.

Схватила влажными от волнения пальцами за сиденье кожаного стула, с силой сжимая. Сгорбившись. Сидя перед ним не как одна из высокоранговых самок, полировавших этот стул тощими задницами до меня. А как испуганная обезьянка. Выливая в кресло свой страх вместе с силой, с которой вонзала пальцы в кожу.

Мне не хотелось смотреть на него. Меня ужасала необходимость находиться с ним в одном кабинете. В одной,

чёрт возьми, стране. Я бы согласилась на экспериментальную миссию на Марс, только бы увеличить расстояние между нами.

Мой аналитический ум против воли просканировал его внешность. Он... притягивал взгляд. Являя собой идеальный набор генетического материала.

Слишком красивый. Хотя это определение казалось недостаточным.

Любое слово по отношению к Тамерлану казалось недостаточным.

Из мальчика, в которого были влюблены все девочки в школе, перешедшие порог пубертата, он превратился в потрясающего мужчину. Мне хотелось выколоть себе глаза, лишь бы не замечать этого.

И дело было даже не в чертах лица, которые разбавляла неправильность. Чертовщинка в его внешности, что притягивала взгляды. Тут как раз было всё понятно.

Он всегда был смазливый. Высоким. Спортивным.

Но сейчас... он стал мужчиной. С мощной энергетикой, которая исходила от него, словно он был генератором электричества. Источником тока – горячим и опасным.

Я увела взгляд в сторону от него. Но это не мешало запечатлеть его изменившуюся внешность на дне своей сетчатки. Будто там её выжгло лазером.

Но лишь мне было известно, что за всей этой яркой обёрткой скрывается нечто уродливое. Тухлое, порочное и гряз-

ное.

Порывшись в ворохе обломков собственных чувств, я обнаружила, что он по-прежнему не вызывает во мне ничего, кроме острой, обжигающей ненависти.

Мне хотелось уничтожить его. Так же как он уничтожил меня.

Должно быть, именно эта мысль полыхнула в моих глазах, когда наши взгляды наконец встретились.

– Вероника, – коротко произнёс он, подтверждая, что ему не отшибло память. По коже проходит озноб, когда я вспоминаю, что он всегда так обращался ко мне. – Рад вас видеть.

Боже, да как у него язык повернулся произнести нечто подобное?

– А вас я бы предпочла увидеть в прохладном тёмном месте, – ответ срывается с губ раньше, чем я успеваю подумать.

Меньше всего мне хочется притворяться. Делать вид, что всё в порядке.

Ничего не в порядке.

Я едва сдерживаюсь от потребности выкрикивать ему в лицо гадости. Мерзости. Обзывать его последними словами, будто я страдаю синдромом Туретта. Бесконтрольно. Но мне приходится вновь взять себя в руки. Потому что горячая волна панической атаки уже лижет мне затылок.

– Какого хера я здесь?

Я маниакально следила за каждым его жестом.

Медленно, почти осязаемо, миллиметр за миллиметром

Тамерлан огладил мою фигуру взглядом.

Он не казался злым или раздражённым. Мои слова его не задели. Наоборот. Он выглядел чертовски расслабленно. Я бы даже сказала – сыто.

Я же знала, что сейчас не моя прайм-эра. Пережжённые дешёвой краской волосы торчали в разные стороны. Под глазами залегли синяки. Губы сухие и потрескавшиеся. Кожа усыпана веснушками после активного армянского солнца.

Но самое главное, взгляд – болезненно-напряжённый. Так смотрят загнанные в угол звери.

И всё же я вздёрнула нос. Стиснула зубы.

Мне захотелось снять с себя кожу, когда до меня дошло, что он испытывает пугающее довольство, разглядывая меня. Видя меня.

Словно наконец-то получил обратно свою любимую, давно потерянную игрушку.

А затем замечаю, как он моргает и всякое выражение исчезает из его глаз. Будто он рептилия с третьим веком. И теперь на меня смотрят другие глаза, в которых остались только холод и сталь.

Выпрямляюсь, будто так смогу стряхнуть с себя наваждение.

Не помогает.

Тамерлан изгибает тёмную бровь. Дескать, учительнице не пристало использовать подобные выражения.

А я бы ему эти выражения запихнула в зад.

Замечаю, как ему на лоб падает чёлка и он убирает её назад пятернёй. Морщусь от отвращения, вспоминая знакомые жесты.

Прикрываю на мгновение глаза, стараясь дышать ровнее. Иначе заблую ему рабочий стол.

– О том, что у меня работает Вероника Кравцова, я узнал только что. От секретаря, – разносится по кабинету баритон.

Щурясь, смотрю на него. Его голос, ставший мужским, кажется знакомым.

Тот мужчина в торговом центре? Нет. Не может быть.

Он смотрит в ответ. Прямо. Без утайки. Будто он честен передо мной. И точно не раздавлен моим возвращением в его, блядь, грешную жизнь.

В серо-зелёных, промозглых, как осенний ветер, глазах осталось лишь любопытство. Без тени угрызений совести. И без намёка на раскаяние.

Меня это пугает. Потому что его поведение лишь подтверждает, что он чудовище.

– Думаю... – Собираю всю волю в кулак, чтобы обратиться к нему с той же степенью уважения, что и он ко мне. И выплёвываю: – Вы понимаете, почему мне хотелось бы как можно скорее разорвать наш трудовой договор. Знаю, что он срочный. Но я прошу уволить меня.

Я вцепилась в него взглядом, вспоминая тот день, когда с визитом в колонию приехал мой адвокат.

Очень дорогой адвокат-криминалист. Бабушка не сразу

призналась, откуда у неё взялись деньги на услуги этого жуткого типа. Он вызывал во мне ту же оторопь, что и следователь, что вёл моё дело.

Лишь позднее я поняла почему. Адвокат раньше тоже работал в органах. И за ним тянулся шлейф духов «Диор Саваж», приправленный нотами зелёнки и плесени. Ничего более мерзкого я в жизни не нюхала. Разве что туалеты в колонии.

– Представители потерпевшего обратились в прокуратуру с заявлением о том, что им были даны ложные показания. О том, что вы невиновны. В ближайшее время вы покинете колонию.

Голос адвоката, наполненный таким самодовольством, будто именно его силами были достигнуты подобные результаты, ещё долго эхом звенел в черепе.

Ложные показания. Невиновна.

Тамерлан, всё это время сверливший мой лоб взглядом, опускает голову к плечу. Изучая меня взглядом, от которого хочется бежать куда глаза глядят.

– Почему же, Ника, разве вам не нужна работа? – Он постукивает длинными пальцами с короткими ногтями по дереву своего рабочего стола. – Судя по тому, что я прочитал сейчас в вашем деле, на вас висит неотработанный аванс.

С точки зрения закона – он мне ничего не был должен. После освобождения я получила некую компенсацию. Материальную. Поэтому формально я не должна ожидать от него

такой милости, как прощение смехотворной для него суммы. Гордость не позволяет переварить эту мысль.

Усмехнулась, думая об этом. Вновь стало горько.

Для него я – досадная ошибка юности. Человек, через которого он перепрыгнул. Как на уроке физкультуры через козла. И благополучно забыл. До сегодняшнего дня.

– Я не хочу здесь работать, – сквозь зубы цежу слова. Злость проходит вибрацией по позвоночнику, будто выкручивая каждый позвонок на триста шестьдесят градусов.

На лице Тамерлана промелькнула непонятная эмоция. Я слишком плохо знакома с этой его версией, чтобы разгадать, что им движет на самом деле.

– Боюсь, я не могу вас отпустить.

Глава 5

Внимательно вглядываюсь в его лицо, отчаянно пытаюсь сообразить, не случилась ли у меня слуховая галлюцинация. Но как будто движения губ идеально вторят звукам.

– Извините, что? – с деланой вежливостью уточняю, хотя мне очень хочется послать его в далёкое эротическое путешествие.

Знал бы он, как увеличился мой словарный запас великого русского языка. Не сидел бы с такой снисходительной миной, будто до сих пор имеет дело с девочкой-ромашкой. Учительницей алгебры. Которую сам же и похоронил заживо.

Тамерлан откидывается на спинку своего роскошного кресла. Поджигает губы. Весьма чувственные для мужчины. Морщусь от отвращения. Сжимаю челюсть.

Он выглядит как человек, абсолютно и безраздельно держащий всё под контролем. В то время как я не могу держать под контролем даже собственное тело.

Бесит.

Я ощущаю, как сбивается дыхание. Делаю судорожный вздох, но кислород не поступает в лёгкие. Возникает ощущение, будто меня топят. И вместо воздуха я глотаю воду. Мысленно начинаю подсчитывать вздохи и выдохи. Одновременно стараясь делать вид, что не нахожусь на грани обморока.

– Правила в компании для всех одинаковы. Отработаете свой аванс, и выплатите неустойку и можете быть свободны, – произносит размеренным бархатным голосом. Будто он факир, а я змея, которую он пытается зачаровать своей дудочкой.

Меня начинает мелко трясти. Слишком много эмоций. Ненависть плещется из меня через край. Как из переполненной водой ванны.

Я боюсь, что могу сорваться прямо перед ним. Начну задыхаться и скулить, как побитая собака. Но я готова откусить себе половину щеки, лишь бы не показывать своему врагу, что он со мной на самом деле сотворил.

Во рту вновь разливается кровь. Я сглатываю её.

– Какой смысл меня держать, если я буду отвратительно работать? – Я поднимаю на него расфокусированный взгляд.

На его губах расцветает хищная улыбка. Словно он плотоядный цветок. Заманивающий своим ярким видом подойти поближе. Рассмотреть. Вдохнуть ядовитый аромат. Пока этот цветок не обнажит клыки и не отгрызёт любопытный нос.

– Разве вы можете делать что-то плохо, Вероника Степановна?

Его голос. Его тягучие интонации. Его пробирающий до мозга костей взгляд. Они отбрасывают меня на десять лет назад, как машина времени. В мой старый школьный кабинет. В котором стоит он, с наглым видом заглядывая мне в

глаза.

Меня передёргивает.

Сердце заходится в грудной клетке. Бьётся, будто желая улететь.

Я смотрю на него совершенно безумным взглядом. Не веря, что он... так поступает. Не веря, что он пытается меня очаровать. Как тогда в школе. Не веря... в масштаб его садизма.

Он просто издевается.

Я резко поднимаюсь, ощущая, как тяжёлый взгляд отслеживает каждое моё движение.

– Если вдруг ты что-то не понял, Тамерлан. – Мне слишком плохо, чтобы притворяться вежливой. – Может, ты не способен это самостоятельно сообразить? Не знаю. Но я тебя презираю. Ненавижу. И знаешь что? Возможно, я даже хочу, чтобы ты сдох. Уверен, что тебе рядом нужен такой сотрудник?

Я выдыхаю эти слова. Меня колотит крупной дрожью. Наверное, со стороны я выгляжу жалкой. Раздавленной. Но после того, как выложила это... стало чуть легче. Мне даже удалось восстановить дыхание.

Тамерлан тоже встает.

Я бы даже сказала, вырастает из своего кресла.

Чёрт. Какой же он огромный.

Он медленно огибает рабочий стол, целенаправленно двигаясь на меня. Что меня до жути пугает. Уверена, этот

страх отражается, как в зеркале, в моих глазах.

– Что ты ещё хочешь мне сообщить, чего я не знаю, Вероника? – Он останавливается в шаге от меня, растягивая слова. А особенно гуляя гласными по моему имени.

Он не выглядит задетым. Наблюдает за мной с лёгкой кривой полуулыбкой. Только глаза остаются холодными. Бездушными. Пустые.

Я смотрю на бездну. Бездна с любопытством смотрит на меня.

Мне хочется знать какое-нибудь заклинание, произнеся которое он исчезнет. Но я знаю, что в нашем мире есть лишь одно заклинание, приводящее к нужному результату. И оно карается статьей сто пятой Уголовного кодекса. Убийство.

А на подобное я не способна. Пока.

Стискиваю зубы.

– Отпусти меня. – Я качаю головой, не в силах поверить, что он решил продолжить эту жестокую шутку. Издевательство, затянувшееся на десяток лет.

Даже теперь.

Похоже, его не волнует и не смущает тот факт, что он сломал мне жизнь.

Он хочет продолжить игру.

Краем глаза я замечаю, что он поднимает руку, словно собираясь дотронуться до меня. Мои мышцы каменеют от страха. Но затем опускает её. Сжав пальцы в кулак.

– Ты свободна. Иди на рабочее место. Скоро планёрка.

– Ненавижу тебя, – напоминаю ему.

Кажется, я могу бесконечно произносить эти слова.

– Знаю.

Я покидаю его кабинет, чувствуя, будто всё это время плавала в адском котле, который заботливо подогревали черти. А за мной гонятся псы. Их горячее дыхание обжигает затылок. От смрада, исходящего из их пасти, меня тошнит. Я зажимаю рот рукой, вбегая в незнакомую уборную.

Она, наверное, предназначена для топовых сотрудников. Здесь очень чисто и приятно пахнет. Но это не имеет значения, когда я замуровываю себя в просторной кабинке. Начиная рыдать. Слёзы струятся по щекам. Солёные. Горькие. Они везде. Меня колотит. Зуб на зуб не попадает. Я вновь задыхаюсь.

Поднимаю ноги, усаживаясь на крышке бачка в позе лотоса. Качаясь из стороны в сторону в попытке себя успокоить. Какой-то грёбанный ад.

Дурацкий ад.

Мне так себя жалко. И невыносимо хочется, чтобы кто-то обнял. Сказал, что всё будет хорошо.

Я не могла показать бабушке, насколько сломлена. Поделиться своей болью. Только психологу и за деньги.

Обняла себя за плечи, ощущая, как чёрная дыра в грудной клетке стремительно разрастается. Становится бездонной, засасывая в себя остатки моей воли.

А слёзы всё не останавливаются. Текут. Забираются под

ворот свитшота, холодя кожу.

Не знаю, сколько я так просидела. Но, что удивительно, за всё это время, кажется, этот туалет не посетил ни один человек.

Я выползаю из кабинки, утыкаясь на своё отражение.

Да уж.

Роковая красotka.

Глаза красные. В них будто насыпали песка.

Возвращаюсь в кабинет.

У моего стола стоит встревоженный Илья.

– Не получилось договориться? – Он понимает всё по моему кислому выражению лица и красным глазам.

Отрицательно качаю головой. Сил ответить вслух нет.

– Через пять минут нас ждут на планёрке. Нужно идти. Ты можешь?

Я могла бы забрать свою кружку, кактус, термос и другие пожитки, которыми успела обзавестись, и уйти.

И плевать, что Тамерлан мне сделает.

Но меня вдруг накрывает ощущение, что я на тропе войны. И проиграв одну битву, я не вправе лишать себя шанса выиграть войну.

Что, если моё нахождение здесь, это шанс его уничтожить?

Глава 6

У меня не нашлось ни сил, ни косметических средств, чтобы избавить свою опухшую физиономию от следов случившейся истерики. И хотя меня тошнило от мысли показаться в подобном виде перед сворой шакалов, пришлось переступить через себя. В очередной раз.

И в следующий раз думать, на чьей территории я проявляю слабость.

В назначенное время нас собрали в просторном конференц-зале, со стульями и постаментом для выступления оратора. За спиной которого располагался огромный экран, видимо для демонстрации презентаций.

Я устроилась на самом дальнем от трибуны стуле, жалея, что у меня нет плаща-невидимки. Для пущей конспирации накинула на голову капюшон свитшота, опустив его до самых бровей. Тень от него должна скрыть воспалённые глаза и красный, всё ещё заложенный нос, которым я с трудом дышала.

После того как мои коллеги расселись по местам, в зал походкой от бедра вошла Нелли. Против воли я заметила, как её цепкий взгляд останавливается на лице каждой девушки. С молчаливой угрозой. Уверена, она охраняет яйца Тамерлана надежнее, чем Кощей своё. Одно. В котором пряталась игла.

Закатила глаза.

Моя персона не привлекла её внимание. А я задалась вопросом, неужели я так сильно изменилась? Мне казалось, что нет. В зеркале угадывались знакомые черты. Только глаза... потухли.

Но всё же на фоне холёной бывшей ученицы, которая наверняка спит по десять часов в сутки, не знает тревог, посещает спа и не вылезает из кабинета косметолога, я смотрелась жалко.

Мои мысли прервал вошедший последним Керимов. Хотя... теперь у него другая фамилия. Он просканировал зал, и мне показалось, что его взгляд задержался дольше всего на моей персоне. Точнее, на изображении Гаечки на моём свитшоте. Сложила руки на груди, защищая бедняжку.

Тамерлан поднялся на постамент. Я недовольно подметила, как уверенно он выглядел. Как прямо держал спину. Он подарил холодную улыбку своим подчинённым, и, видит бог, я слышала, как девушки стали чаще дышать. А температура в зале поднялась на пару градусов.

Фыркнула, испытывая отвращение.

Стоило ему оказаться в центре сцены, как в зале воцарилась гробовая тишина.

Хищник вышел к своей стае.

Я вжалась в спинку стула, чувствуя, как ткань свитшота липнет к взмокшей от холодного пота спине.

– Добрый день, – разнёсся по залу его глубокий баритон.

– Я не люблю долгие вступления, поэтому перейду сразу к делу. «ВикториНова» запускает новый флагманский проект.

Экран за его спиной вспыхнул, отобразив мрачный, стильный логотип, украшенный кровавыми подтёками, с рабочим названием «Игра: Страхи».

– Рынок устал от однотипных шутеров, – лил в благодарные уши мёд Тамерлан, медленно прохаживаясь по сцене, перекатывая между длинными пальцами стилус. – Сейчас людям нужны настоящие эмоции. И мы окунём наших клиентов в жизнь, а им для этого даже не обязательно будет выходить из дома. Наша новая игра – это хоррор на выживание. Перед погружением игрок предоставит сетке право на анализ его истории поисков и прочей чепухи, способной отыскать тревожную стресс-точку конкретного игрока. После чего породит его самые жуткие страхи в игре. Кто их преодолет – молодец. Ну а кто нет – проиграл.

Губы Тамерлана растянулись в жёсткой улыбке. Предвкушающей. Жаждающей слёз и крови. Ну или хотя бы славы и денег.

Меня передёрнуло. Тамерлан всегда был экспертом в том, чтобы находить чужие слабые места и превращать жизнь в персональный ад. Теперь он решил это монетизировать.

Как мило.

– Но, чтобы создать нечто нешаблонное, нам нужно сломать старые рамки, – продолжил он, и его голос звенел от предвкушения. – Привычная структура отделов на время

этого проекта замораживается. Я решил провести эксперимент.

По залу прокатился встревоженный гул. Я ещё сильнее вжалась в спинку, ощущая, что это именно меня загоняют в угол.

– Вы все будете поделены на небольшие команды. По пять человек в каждой. Никаких начальников. Все равны. Составы соберёт рандомайзер. Абсолютно хаотично.

Тамерлан дарит своей дикой стае очередной предвкушающий взгляд. Для него вся жизнь – игра.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Я только смирилась с потными подростками. А Игорёк даже стал казаться нормальным парнем. Теперь, очевидно, придётся лишиться и этой вонючей, но понятной гавани.

– Команда, которая через месяц представит лучшую концепцию, получит возможность полностью разработать игру с последующим неплохим процентом от продаж. – Тамерлан выдержал театральную паузу. – И денежный приз в размере пятидесяти миллионов рублей на всю команду.

В зале началась суeta и активное обсуждение.

А у меня потемнело в глазах.

Десять миллионов на человека, получается. Я сложно себе представляла, как можно заработать подобные деньги так легко и быстро.

Впрочем, ничего простого в предложении Тамерлана не было. Бой будет идти на смерть.

Счастливых нам голодных игр.

– И последнее.

Голос Тамерлана заставил меня вынырнуть из лихорадочных размышлений. На его губах заиграла кровожадная полуулыбка.

Плохое предчувствие прошло волной холодных мурашек на коже.

– Я устал сидеть в кресле генерального директора и тоже хочу поучаствовать в битве вместе с вами.

Сердце пропустило удар. Один. Второй. Я забыла, как дышать. Интуиция кричала, что он уже разработал эту игру. И уже нашёл мои глубинные страхи. И главный – находиться с ним рядом.

Проглотила ком. Укусила щёку.

Я выстукивала кедами тревожный ритм, дожидаясь результата перетасовки коллег в рандомайзере.

Господи, пожалуйста. Только не в его команду. Но интуиция мне подсказывала, что «случайность» будет работать по его правилам.

Не прошло и двух минут, как мои предположения подтвердились. На экране моё имя высветилось под именем Тамерлана.

И ещё один неприятный сюрприз. В нашу команду попала и Нелли.

– Боже, ты просто гениален! – выкрикнула она на высокой ноте, отчего у меня задрожали барабанные перепонки. – Мы

просто поврём рынок!

Нелли, подпрыгивая, взлетела на сцену, кидаясь Тамерлану на шею с яростным визгом.

Мой взгляд скользнул по его широким ладоням, удерживающим девушку. Вдали от себя. Поднялся выше. Сердце больно ударилось о корсет рёбер, когда я поняла, что он за чем-то смотрит на меня, пока Нелли висит на его шее.

«Паскудная гадина и мразь. И выпендройд», – мысленно выписала в чёрный блокнотик характеристику рядом с именем Тамерлана.

Стряхнула с себя это видение, вставая со стула. Официальная часть собрания закончилась. Борясь с тошнотой, я направилась к выходу. На половине пути в моё одинокое интровертное общество вклинился Игорь.

– Чёрт. Почему эта идея не пришла в мою голову? – раздосадованно бормотал мой бывший руководитель отдела.

На ум ещё не успел прийти ответ, как я ощутила вибрацию телефона.

Смахнула блокировку, обнаружив сообщение.

Иринка.

Моя знакомая. Из той жизни. Тюремной

«Ну ты и негодяйка, Победа. Или ты Беда? Когда встретимся? Знаю, что ты в Москве. Я жажду тебя видеть».

Глава 7

Я не могла дожидаться, когда этот выматывавший мне всю душу рабочий день наконец-то подойдёт к концу.

Единственное, что служило хоть каким-то утешением, – масштабные пертурбации между отделами начнутся только завтра. Сегодня всем было велено завершить текущие проекты и собрать личные вещи в коробки.

Я отчаянно старалась заблокировать мысль о том, что с завтрашнего утра мне придётся регулярно взаимодействовать с Тамерланом. Лицом к лицу. В одной команде.

Мой мозг назойливо воспроизводил сценарии, достойные Тарантино. В них я бросалась на Тамерлана с канцелярским ножом. И пока из его ярёмной вены, в которую я ласково ввела острие ножа, хлыщет кровь, заливая всё вокруг, Нелли пытается обезвредить меня, бросая в мою сторону моноблок. И всё это на фоне бодренькой музыки из семидесятых.

К тому моменту, когда я покинула башню и спустилась на улицу, голова болезненно гудела.

А вокруг кипела вечерняя московская жизнь. Яркая, шумная, освещённая неоновыми огнями вывесок и светом автомобильных фар.

Мы с Иринкой договорились встретиться сразу после работы. Последний раз я её видела два года назад. Тогда подруга приезжала навестить меня в Армении.

Я стояла у обочины, закутавшись в куртку, когда рядом с тихим рыком тормознул чёрный, грозный «Гелендваген». Ожидала, что сейчас оттуда выкатится какой-нибудь мощный бородатый мужик. Но дверь распахнулась и на асфальт ступила роскошная девушка.

Я невольно засмотрелась на то, как ладно на её стройной, тонкой фигурке сидят дорогие шмотки. Кашемировое пальто, ботфорты на шпильке, которую тоже можно использовать как оружие массового поражения. Учитывая, как на девушку оборачивались все вокруг, – оружие уже было приведено в боевую готовность.

И лишь когда её лицо озарила улыбка, я узнала в этой столичной штучке свою самую близкую подругу.

Стоило заглянуть в её глаза, цепкие, колючие, с лёгкой безуминкой, как окружающий мир расплылся.

Глядя на бывшую сокамерницу, я провалилась в прошлое. В тот день, когда мы встретились впервые.

Звон ключей, лязг тяжёлой металлической двери, скрежет отодвигаемого засова. И запах.

Чужой запах, от которого на глаза наворачивались слёзы. До боли, до жути хотелось домой. К бабушке. В мою родную комнату. Казалось, время, проведённое в СИЗО, должно было усмирить меня. Но выяснилось, что здесь гораздо хуже, чем там, где меня держали до приговора. В разы.

Меня грубо толкнули в спину. Я споткнулась, с трудом удержавшись на ногах. Затравленно озираясь вокруг. И бо-

ясь встречаться взглядом с сокамерницами. Ощущая от них мощный фон. Злобы и ненависти. Накрывавший меня, как радиационная волна.

Они не знакомы со мной, но уже ненавидят.

В помещении царил полумрак. Я стояла, вцепившись в свёрток с выданным мне серым бельём, ощущая острый, мерзкий страх. Пробиравшийся за шиворот моей тюремной робы через поры прямо в кровоток.

Почудилось, что все разговоры смолкли с моим появлением. Все взгляды были направлены в мою сторону.

С трудом пересилив страх, я подняла ресницы, пытаюсь оценить разношёрстную публику. Людей, с которыми в другой ситуации меня бы никогда не свела жизнь.

С дальних металлических двухъярусных кроватей медленно поднялось несколько фигур. Я даже не сразу сообразила, что они намеренно берут меня в окружение. Женщины с едкими ухмылками осматривали меня с головы до ног. Снизу вверх.

– Что, куколка, малолеток любишь? – прошипела одна из них, плюнув в мою сторону. Я с ужасом поняла, что её слюна оказалась на рукаве моей одежды. – А здесь у нас только девочки. И мы очень не любим тех, кто трогает детей. Мы сами, знаешь ли, матери.

Откуда они знают, за что меня посадили?

В защитном жесте ещё ближе придвинула к себе свои скромные пожитки.

– Я... я не виновата, – жалко заблелая. Совсем как на суде.

И тогда, и сейчас в ответ получила надменные, неверящие взгляды.

– Тут все... невиновны, куколка. Я вот тоже не убивала... свою подружку.

После насмешливых слов главной в этой своре – высокой и мускулистой бабы – последовал дружный смех всех заключённых.

Я всматривалась в её лицо, пытаюсь найти в нём признаки человечности и сострадания. Но куда больше она напоминала мне тролля. Из жуткой страшной сказки не для детей.

Женщины методично загоняли меня в угол. У меня сдавило горло. Подступивший ком не позволял сделать вдох.

Я догадывалась, что будет сложно. Но лишь сейчас поняла насколько.

Главарь этой банды шла чуть впереди других. И когда до меня дошёл запах её несвежего тела, меня едва не стошнило. Но потом внимание зацепилось за импровизированное оружие, которое она держала в руках. Явно угрожая мне.

– Я буду кричать.

Мой взгляд метнулся в сторону двери.

Раздались очередные смешки.

– Нашим конвоирам ты тоже не нравишься. Мы получили разрешение с тобой... поиграть. Нам за это даже ничего не будет. – Она придвинулась ко мне ещё ближе, позволяя в полной мере оценить все ноты кислого запаха её кожи. И

алчный, голодный интерес, сверкавший в её безумных глазах.

Они получили разрешение? Разве такое возможно?

Ужас и страшные догадки накатывали на меня волнами.

В момент, когда меня с силой толкнули в стену, я не успела даже сгруппироваться. Упала. Больно ударившись. На мгновение потеряв возможность дышать из-за того, как сдавило рёбра.

– Ты такая сладенькая. Будешь нас развлекать. Сидеть нам с тобой здесь до-о-лго, – оскалилась главная, облизывая толстые губы, приставив острое ножа к моей щеке.

Стоит лишь немного надавить – хлынет кровь. Я зажмурилась.

Моя фантазия тут же подкинула мне тысячу вариантов развития событий. Меня изуродуют. Изувечат.

За что?

– Эй, курвы, чего к малышке пристали? – рядом раздался прокуренный, спокойный голос.

Я и не заметила, когда и откуда появилась эта девица, сейчас толкавшая своим тощим плечом троллиху. Та огрызнулась на неё, злобно оскалившись.

– Отойди, Филонова. Это не твоё дело. Она наша...

Но эта... Филонова даже не позволила ей договорить. Мои глаза не успели зафиксировать её меткий удар. Куда-то в горло. Троллиха упала на пол, явно задыхаясь. Окружавшие её женщины постепенно разбрелись по сторонам, мгновенно

но потеряв ко мне интерес. Они сильные и опасные только в стае.

Брюнетка медленно повернулась ко мне, дожидаясь, пока вокруг нас образуется зона отчуждения. Чтобы не получить удар в спину. Её насмешливый взгляд скользнул по моему побелевшему, залитому слезами лицу и трясущимся рукам.

Она протянула мне тонкую ладонь, помогая подняться.

– Похоже, малышка, одна ты тут не выживешь, – сообщила сокамерница с кривой, опасной улыбкой. – Не научишься показывать зубки – тебя тут сожрут. Или подомнут под себя. Что выберешь?

Облизнула потрескавшиеся губы, сглатывая слюну по сухому горлу.

– Я... я не хочу ни того, ни другого, – запинаясь, прошептала, собирая с пола выпавшие из рук вещи.

Морок медленно рассеялся. Я судорожно втянула в лёгкие прохладный воздух, возвращаясь в реальность, где пахло выхлопными газами и дорогими духами «Баккара руж».

Подруга шагнула ко мне, крепко стискивая в объятиях. Тепло её тела окончательно стряхнуло с меня тюремный холод.

Я обняла её, как ребёнок обнимает мать, которая забирает его из детского сада. Наслаждаясь знакомым запахом и ощущением спокойствия.

– Ника. – Она отстранилась, удерживая меня за плечи, и внимательно взгляделась в моё лицо. Нахмурилась. – Ты жива

вообще? Выглядишь так, будто не совсем. Тебе нужно развеяться. Мы едем в клуб “Рай”. Слышала о таком?

Девочки, если вам нравится книга, не забывайте, пожалуйста, поставить лайк)

Глава 8

Подруга так быстро берёт меня в оборот, что мне остаётся только растерянно хлопать ресницами.

– Клуб? В среду вечером? – недоверчиво переспрашиваю.

В ответ Иринка лишь звонко смеётся, очевидно по-прежнему считая меня безнадёжным синим чулком.

– Господи, какая же ты миленькая и невинная. Жизнь тебя вообще ничему не учит. – Она качает головой, распахивая передо мной тяжёлую дверцу своего чёрного мерина.

С трудом залезаю в эту глянцевую громадину.

Внутри машина выглядит как карамельная начинка – кресла и приборная панель обтянуты мягкой светлой кожей. В салоне пахнет дорогими духами подруги. И большими деньгами.

– А чему она должна была меня научить? Мне завтра рано вставать. Хотелось бы и лечь пораньше, – отвечаю и сама понимаю, как нудно, по-учительски звучит мой ответ. И сама же закатываю глаза. – В тюрьме, знаешь ли, привыкаешь к строгому режиму.

Иринка издаёт нечто похожее на смешок, вызванный моей нелепой попыткой пошутить.

– Лучше расскажи, что у тебя случилось. Вообще-то, о том, что вы в Москве, я почему-то узнаю не от тебя, а от твоей бабули. – Подруга бросает на меня пронзительный взгляд,

препарируя им меня и без спроса залезая в мой череп. Перебирая мои мысли, как страницы каталога.

Оттягиваю ответ, медленно пристёгивая ремень безопасности, пока Ирина выкруливает с территории «Сити». Мой взгляд ложится на её тонкие пальцы с красными длинными ногтями. Это смотрится красиво и хищно. Я вновь думаю о том, что их тоже можно использовать как оружие. Один такой ноготь отлично бы смотрелся в глазном яблоке Тамерлана.

– Я работаю на Керимова, – глухо выдыхаю, внимательно следя за выражением лица подруги, которая умело лавирует в потоке машин. Её брови летят вверх. На мгновение она отрывает взгляд от дороги, впиваясь в моё лицо.

– Того самого Керимова? – недоверчиво уточняет Ира.

– Да. И я не понимаю, это случайность или он всё подстроил. Может быть, он хочет меня добить. – Прикрываю глаза, утыкаясь затылком в подголовник.

– Не думала, что вы так быстро встретитесь. Чёрт, – её голос полон искренней досады. – И... как ты пережила это?

Ощущаю, как от свежих воспоминаний мышцы во всём теле деревенеют. Сжимаются до болезненного напряжения.

– Мне хочется его уничтожить, Ир. Стереть с лица земли. Мне становится легче дышать, лишь когда я придумываю изощрённые варианты мести, – выцеживаю сквозь зубы, не опасаясь, что подруга решит сдать меня в психушку.

Только ей я могла безбоязненно доверить свои тёмные

мысли. Зная, что не осудит, а поддержит.

– Мы сейчас тебя немного приоденем, чтобы нас не выгнали на входе. И рванём в «Рай», где ты в красках расскажешь мне о придуманных видах казни. Для него. – На её лице расцветает предвкушающая улыбка, когда она поворачивается ко мне на светофоре.

– Ир... Честно, давай куда-нибудь попроще. В кафе какое-нибудь. Я не готова к этим местам...

Морщусь. Какой бред, что в двадцать первом веке женщине приходится соответствовать чьим-то надуманным стандартам о том, как должна выглядеть женщина, чтобы попасть в клуб. Мне не хотелось строить из себя человека, которым я никогда не являлась. И уж тем более не хочется прихорашиваться и наряжаться.

– Так не пойдёт, малышка, – Ирина привычно давит, зная, что отказать ей практически невозможно. – Ты больше не живёшь в глуши. А если хочешь добиться чего-то в этом мире, нужно быть на уровне с тем, с кем ведёшь борьбу.

В её словах есть резон. Однако от этого её точка зрения не кажется мне привлекательнее.

А я сама ощущаю смущение оттого, что у меня недостаточно денег, чтобы не выглядеть замухрышкой рядом с красивой и стильной подругой. По крайней мере пока я не успела их заработать.

– Давай выкидывай эти глупости из головы. – Ирина протягивает ко мне руку, давя указательным пальцем на мой

люб. – Я читаю твои мысли, как субтитры. Если тебя это успокоит, то сегодня мы кутим на деньги Виталика. А он любит тратить бабло на красивых женщин. А ты у меня очень красивая.

Странно, но её слова возымели действие.

Почему бы и не потратить деньги Виталика? Правда, я в душе не знаю, о ком речь. Но Ирина умела жонглировать десятком таких Виталиков. Не удивлюсь, если это имя нарицательное.

Она не мелочится. Лишь когда мы выходим с подземного паркинга и поднимаемся на первый этаж, до меня доходит, что мы находимся в самом дорогом универмаге столицы – в ЦУМе.

– Когда ты успела так разбогатеть? – уточняю, нервно хватая её за локоть.

Мне катастрофически не комфортно в этом месте.

Ощущаю себя нищей провинциалкой, пришедшей поглазеть на дорогие вещи. Но уж точно не купить их.

– Малыш, я пока лишь на пути к этому. – Она подмигивает мне. – Хотя, если бы ты сказала, что баб Варе требуются деньги на лечение, я бы нашла для тебя нужную сумму.

Бабуля, видимо, всё выложила Иринке.

– Не хотела тебя обременять, – отвечаю, озираясь и ощущая, как яркий свет слепит уставшие от работы за компьютером глаза. Попутно шарахаюсь от ценников.

Подруга недовольно фыркает.

– Пошли. – Она крепко сжимает мои пальцы, ведя на этаж выше. Пока мы не оказываемся замурованными среди корнеров с женской одеждой. – И не обращай внимания на цены. Я просто не могу смотреть на твою убогую одежду. Уж прости.

Ирка толкает меня в примерочную. Со всех сторон из зеркал на меня пялится моя недовольная физиономия с взлохмаченной головой.

Благо свет здесь мягкий. Не режет глаза.

Спустя пару минут ко мне начинают стягиваться консультанты, принося выбранные Ириной вещи. И каждая попадает в сердечко. Будто подруга точно знает, что именно мне подойдёт. Вещи предусмотрительно избавлены от ценников. Уф.

Надеюсь, Виталик достаточно богат.

– Чую, что и бельё у тебя убогое. – Иринка бесцеремонно кидает мне в лицо что-то из тонкого красного кружева.

Я с ужасом смотрю на эти ниточки, невесомые трусики и чисто символический бюстгальтер. В его функции явно не входит обеспечение комфорта. По крайней мере для самой женщины. Скорее, для улады мужских глаз.

– Я не надену это. – Возмущённо бросаю комплект белья обратно Иринке.

– Наденешь. Готова биться об заклад, что на тебе шорты и спортивный топ. Это не подходит под выбранное платье.

– А если я откажусь? – Смотрю на неё с недовольным при-

щуром.

Подруга расслабленно прислоняется плечом к двери, складывая руки на груди.

– Расскажу бабушке, как тебе на самом деле тяжело жилось в тюрьме. – Она издевательски ломает бровь.

И вновь вручает мне злополучный комплект. Негодяйка.

Шах и мат.

Верчу красные кружева в руках, брезгуя надевать нестиранную вещицу.

– Надевай, – давит Ира.

И я сдаюсь.

Моя грудь всегда казалась мне слишком полной для тонкого кружева. Но, видимо, этот предмет гардероба конструировал гений. Бельё каким-то магическим образом идеально село. Не давя и не врезаясь в кожу.

Асимметричное чёрное платье подчеркнуло стройные загорелые ноги и... очень откровенно выделило грудь.

Я ошарашенно пялилась на себя в зеркало, пытаюсь сообразить, для чего вообще всё это. В среду вечером.

Иринка, словно читая мои мысли, распахнула шторку примерочной.

– Если ты хочешь ему отомстить, то должна быть уверена в своих силах. А в этих балахонах, что ты носишь, у тебя вряд ли это получится.

Хмурюсь.

– Я же не собираюсь побеждать его своими сиськами. –

Складываю руки на груди, стараясь спрятаться от оценивающего взгляда подруги.

– А могла бы, между прочим.

В слишком открытых вещах мне физически неудобно. Я могу полюбоваться собой в примерочной... но выйти в таком в люди. Боже. Нет.

– Пожалуйста, Ир. – Сверлю её умоляющим взглядом.

– В общем, так. – Смотрит на меня недовольно. – Я тебе сейчас выберу что-то более монашеское. Как ты любишь. Но это платье мы тоже купим. Его черёд ещё настанет.

Через пару минут подруга вручает мне ещё один наряд.

Куда более закрытый и спокойный.

И мне сразу становится легче дышать, когда моё тело не выставлено на всеобщее обозрение, как товар на аукционе.

Платье до середины бедра, но верх закрыт. Объёмный тренч и ботинки на низком каблуке дополняют мой немного гранжевый образ.

После покупки она утаскивает меня к корнеру с косметикой. Где милая девушка с кисточками наперевес пытается что-то изобразить на моём лице. Но я соглашаюсь лишь немного замазать синяки под глазами и нанести на ресницы тушь.

Подруга удовлетворённо рассматривает меня. Да я и сама вижу, что из маленького зеркала, что подала визажист, на меня смотрит кто-то другой.

Хмурюсь.

Утешаю себя мыслями, что это только на один вечер.

Завтра я вновь стану собой.

Ира забирает очередной брендовый пакет в магазине косметики.

Клуб «Рай» оказывается местечком без опознавательных знаков. Вывески нет. Я даже не вижу, где на здании указан адрес.

Лишь по виду двух амбалов, топчущихся у входа, понятно, что это фейс-контроль ночного заведения.

Нас без вопросов пропускают вперёд, после того как меня заставляют показать им паспорт. Какая нелепица.

Ирина ведёт меня сразу на второй этаж.

– Здесь проходил ремонт. Клуб недавно заново открылся. На верхних этажах есть развлечения, которые помогут тебе снять напряжение. Кстати, когда у тебя последний раз был секс?

Глава 9

Тамерлан, * количество лет назад**

Мерзкий дождь морозит кожу под промокшей одеждой. Ненавижу холод, хотя последнее время испытываю его почти непрерывно.

Домой идти впадлу.

Наблюдать папашу с очередной тёлкой, которая непременно начнёт набиваться мне матери. Готовить на ужин какую-нибудь безвкусную бурду, вилять задом в коротком халатике перед моим носом. Заглядывая в глаза, будто я дворовый щенок. Готовый на всё за ласку и подачку.

Воротит от них.

Скуриваю одну сигарету за другой под навесом недалеко от школы.

Да и друзей видеть не хочется. Можно было бы, конечно, попроситься к Денису. Его мать никогда не отказывала мне в ужинах. И выглядела... нормальной. Но чую, что уже смахиваю на попрошайку.

Мерзко от самого себя. От своей слабости.

– Керимов, ты чего тут мёрзнешь? – доносится до меня тонкий, встревоженный голосок.

Вероника... Степановна, оказывается, стоит за моей спиной, держа посиневшими от холодного осеннего ветра пальчиками зонт. Он так и норовит вывернуться наружу. Или

улететь вместе с её тощей фигуркой куда-нибудь подальше. От меня.

С трудом сглатываю, ощущая, как дёргается кадык.

Моя эротическая фантазия стоит напротив, смотрит на меня невинными глазами. Даже не подозревая, что я мечтаю сотворить с её телом.

Кожу обдаёт жаром. Готов биться об заклад, что одежда сама высыхает на мне, хотя я всё ещё ловлю капли дождя, попадающие под строительный навес.

Во рту сухо. Облизываю губы, сверля её потемневшими от желания глазами.

– И куришь ещё. – Хмурит бровки, всем своим видом выражая неодобрение. Качает головой.

Косой дождь не обходит её стороной. Я вижу, как с её носа стекает вода.

Тушу сигарету, вытянув под дождь руку, чтобы учительница не дышала дымом. И бросаю в урну.

Моё воображение уносится вскачь. Могу поставить на кон почку – она промокла до последней нитки трусиков. Интересно, какие они у неё? У такой правильной девочки... наверняка хлопковые. Ветер обливает нас обоих дождём. Она переминается с одной ноги на другую. Мне кажется, я даже слышу, как хлопает вода в её ботинках.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь сообразить, есть ли у нашего разговора зрители. Но, похоже, что все ушли. Закончился последний урок. Она задержалась. И я... задержался.

Мне хочется опуститься перед ней на колени и медленно поднять её юбку. Лизнуть внутреннюю поверхность бедра...

Сглатываю скопившуюся во рту слюну. Вытряхиваю эти мысли из головы.

– Может быть, тебя до дома проводить?

– Меня? – ухмыляюсь. – Может, это мне вас до дома проводить? На улице уже темно.

Вновь облизываю её тело глазами, выдыхая из лёгких горячий пар.

Она словно не понимает, не распознает мои недобрые намерения. Наивная. Лишь инстинктивно делает шаг назад. Правильно. Не нужно ко мне близко подходить. Я ведь и сожрать могу. Целиком. Вместе с обёрткой в виде этого уродливого костюма.

Кажется, Вероника уже мысленно прокляла всё на свете, подойдя ко мне. Интересно, что её побудило это сделать? Может быть, она приняла меня за кого-то другого?

Нет. Сомнительно. На мне сегодня слишком приметная одежда. Оранжевая толстовка и такие же вырви-глаз кеды.

Уверен, пожалела подростка, у которого недавно умерла мать.

Но от неё я готов принять и жалость. Лишь бы она находилась рядом.

– Нет, – быстро отказывается, смотря на меня широко распахнутыми светлыми глазами, – нам в разные стороны. А тебе тоже пора домой.

Она пытается придать голосу строгость. А я слышу лишь мяуканье. Улыбаюсь. По телу вновь разгоняется тепло. Выхожу из-под навеса, подставляя лицо дождю, чтобы хоть немного охладиться.

– Ты что делаешь? Простудишься же!

Она, глупая, подходит ближе, пытаясь спрятать меня от дождя. Её буквально бьёт дрожь. Выглядит перепуганной. Уже раскаивающейся в собственной доброте. Сама стоит под дождём и руку держит с зонтом надо мной. Пока её всё больше заливают водой.

– Может быть, я провожу вас до дома, а потом вы одолжите мне зонтик? – Склоняю голову, чтобы стать чуть ближе к ней, не делая шага вперёд. Боясь спугнуть.

Наблюдаю в её глазах активную мыслительную деятельность. Как в те моменты, когда она проверяла мои контрольные работы. С нестандартными решениями.

Огонёк страха загорается в серых омуты. Она всё же не совсем дуручка. Не доверяет мне и правильно делает.

Оглядывается по сторонам.

Улица тонет в холодном свете зажегшихся фонарей.

Я вижу в ней внутреннюю борьбу. Она не хочет находиться со мной наедине. Но хорошая девочка в ней не желает оставлять подростка под дождём без зонта.

– Да. Наверное, так будет правильно. – Кивает сама себе, угодив в мою ловушку. – Ты прав. Это верное решение.

Давлю улыбку. Но ни черта не получается. Губы доволь-

но расползаются в разные стороны. Мне даже становится страшно за неё. Её ведь облапошит любой пятиклассник.

Она убирает прядь волос от лица за мгновение до того, как я сам желал протянуть к ней свою клешню. Но это был бы нелепый жест. Хорошо, что она меня опередила.

Прячу руки глубже в карманы брюк, чтобы держать их от неё подальше.

— Где вы живёте? — интересуюсь, хотя прекрасно знаю ответ на свой вопрос.

Она вздрагивает от звучания моего голоса, когда я подхожу ближе, забирая из её окоченевших пальцев зонтик. Становясь к ней так, чтобы укрыть её своим телом от дождя.

Смотрит в одну точку. Она явно не планировала раскрывать ученику своё место жительства. И уже не рада, что согласилась. Облизываю губу, размышляя, хватит ли ей смелости дать заднюю.

Ставлю косарь — не должна.

С глубоким, каким-то извращённым удовольствием наблюдаю эту борьбу в ней. Замечая, как её бледное лицо с веснушками покрывается румянцем, который опускается вниз по шее. Прячется под белой скучной рубашкой.

— Ты знаешь, К-керимов. — Она запинаясь на моей фамилии. Весь подбираюсь, опасаясь, что проиграл свою же ставку. — Я, наверное... давай я дам тебе деньги на такси. Ты мокрый совсем. Простудишься. Тебе домой скорее надо.

Зло смотрю на неё. Хочет избавиться от меня.

Это я должен оплачивать ей такси и заботиться о её здоровье.

Сжимаю челюсть так, что зубы трещат. Пытаюсь взять эмоции под контроль, перед тем как раскрыть рот. Зная, что одно неверное слово и она сбежит от меня, как перепуганный заяц.

– Хотите бросить подачку сироте? – Наклоняюсь ещё ниже к ней, замечая, как испуганно блестят её дымчатые глаза.

Хлопает ресницами, приоткрыв свой милый ротик.

– Нет! Что ты? Нет. – Облизывает губы, и я резко выпрямляюсь, боясь, что не справлюсь с собственными демонами. Что нащёптывают мне прижать её к стене. Почувствовать жар её тела.

Отрезаю эти мысли, откладывая их дальний ящик сознания. Чтобы вытащить попозже. Когда останусь наедине с собой.

– Тогда пойдёте? – Склоняю голову вбок, пытаюсь придать нейтральность голосу. Но всё равно слышу не те эмоции в нём.

Злость. Досаду. Раздражение. И всё на самого себя.

Она кивает. Не смотрит на меня. Идёт вперёд, уставившись в одну точку. Спотыкаясь на каждом шагу. Не знаю, довела бы она меня до своего дома в таком ошарашенном состоянии. Потому что кажется, что это именно я указываю верное направление. Она каждый раз сбивается. Будто потерявшись в мыслях.

Путь, к сожалению, недолгий.

Замечаю, что у подъезда кто-то стоит. Явно выглядывая Нику.

Мы подходим ближе. И я всем телом ощущаю, насколько сильно Нике хочется побыстрее избавиться от моего общества.

Меня бы это обидело. Будь я обидчивым. Но мне плевать. Я просто хочу находиться с ней рядом. И иногда... вдыхать сладкий запах её кожи. От которого моя дурная голова идёт кругом.

– Ника, как хорошо, что ты взяла зонтик. Я уже хотела пойти тебе навстречу, – раздаётся старушечий голос, когда мы подходим к подъезду. – Ах, да ты и так вся мокрая.

Как жаль, что из-за дождя, а не из-за меня...

– Бабуль, тебе нельзя волноваться. – Ника ведёт себя со своей бабкой так же нарочито строго, как с учениками. И звучит это так же бесполезно.

– А что это за молодой человек? – Старуха изучает меня, опустив свои окуляры на кончик носа.

Я выпрямляюсь, будто пытаюсь показать ей свою статью. Она лишь хмыкает.

– Это мой ученик. Вот он без зонтика. – Ника радостно вскакивает под крышу подъезда. – Можешь идти, Керимов.

Улыбается так, будто выиграла в лотерею.

– Да куда же он пойдёт, Ника! Мокрый же. И глаза вон какие голодные. Как у волчонка. Пойдём, я как раз борщ при-

готовила.

Кажется, я уже люблю эту бабу.

Замечаю, как Ника буквально сереет, не ожидая такого поворота событий.

Вылупливает на меня свои и без того огромные глазища. Мысленно пытаюсь донести до меня, чтобы я забрал зонтик и уёбывал.

– Спасибо. – Улыбаюсь, притворяясь хорошим мальчиком. – Я действительно голоден.

Глава 10

Тамерлан

Складывая зонт, ступаю под крыльцо подъезда. Нагло подмигиваю училке, закипающей на моих глазах от гнева. Ещё чуть-чуть, забулькает и из ушей пойдёт пар.

Забавная.

– И как вы учитесь, молодой человек? – интересуется старушка, разглядывая меня сверху донизу с явным любопытством.

И сам плююсь в ответ, пытаюсь отыскать в ней черты Ники, пока мы поднимаемся на лифте. Но не нахожу ничего общего.

– Я...

– Тамерлан – отличник по всем точным наукам, – перебивает меня Ника.

Расплываюсь в самодовольной улыбке.

– Только не могу сказать, что это его заслуга. Он ни разу не сделал домашнее задание. Дома. – Моя любимая косит на меня недобрым взглядом.

В её голосе звучит ехидство.

И угадала же.

Оказавшись на пороге, соображаю, что вода буквально стекает с моей одежды и кед. И впервые за вечер я ощущаю себя по-дурачки.

Старуха бросает в мою сторону взгляд, тут же сообразив, что вызвало смущение.

– Проходите в ванную комнату, молодой человек. Принесу вам что-нибудь из одежды моего покойного мужа. – Она указывает мне на дверь.

Сбрасываю с себя влажные кеды. Поджимаю пальцы на ногах. И шлёпаю, оставляя за собой мокрый след. Попутно изучая скромную, но уютную обстановку.

Здесь даже не пахнет Никой. Я ощущаю запах старого дерева, книг, возможно, «Шанель номер пять», или чем там душатся бабушки. А ещё аромат еды, от которого болезненно скручивается желудок.

Лишь когда оказываюсь в ванной комнате, становится понятно, что здесь всё же живёт девушка. Пока жду одежду, озираюсь, пытаюсь угадать, в какой из этих баночек шампунь. Если это от него моя училка так пахнет, то я куплю себе такой же. Хватаю первый, подошедший под описание. Открываю крышку, нюхая. И тут поднимаю ресницы и вижу тяжёлый взгляд старухи.

Сглатываю слюну, ощущая себя пойманным на месте преступления.

– Искал, чем руки помыть. – Криво улыбаюсь, возвращая банку на полку.

– Можете переодеться в это. А мыло тут, – и указывает на мыльницу.

Вглядываюсь в неё, ожидая, что сейчас она мне даст пин-

ком под зад. Но бабка уходит, закрывая за собой дверь. И кажется, посмеивается надо мной.

Скидываю с себя мокрые шмотки, облачаясь в нечто раритетное. Брюки, фланелевая рубашка в клетку. Носки.

Заглядываю в зеркало, хлопая себя по щекам.

– Вот так ты будешь выглядеть лет через сто, – обращаюсь к своему отражению.

Несмотря на то, что одежда с чужого плеча, мне неожиданно удобно и комфортно. Дед, определённо, был таким же высоким.

И тут я задаюсь вопросом: а почему дед? Где родители Ники?

Был, конечно, вариант, что она во взрослом возрасте решила жить с бабушкой. Но что-то в эту версию мне не верилось.

Отжав над раковиной свои вещи, я уже собирался выходить. И застыл, когда мой взгляд упал на корзину с грязным бельём.

В голову пришла дурная идея даже для меня – раздобыть её трусики.

От этой мысли я вновь весь покрылся жаром. Конечно, был ещё вариант нарваться на трусы бабки. Но, поразмыслив, я решил, что игра стоит свеч. И риска получения душевной травмы. И поднял крышку корзины.

Тут же сглатывая.

Корзина оказалась пуста. Только на дне белели трусики. И судя по размеру, они точно принадлежали моей училке.

Облизнул губы, ощущая дрожь в коленках. И тяжесть в паху. Протянул руку, сжимая крошечный лоскуток в ладони. Неловко поднёс к носу. Аромат был тонкий. И очень соблазнительный. Настолько, что от возбуждения у меня потемнело в глазах, а мышцы свело судорогой. Не хотелось бы испортить дедушкины брюки своей спермой.

Вздрогнул, когда в дверь раздался стук.

– Тамерлан, у тебя всё в порядке? – как сквозь вату, до меня донёсся голос Ники.

Она, скорее всего, поймёт, что это я вор её трусиков. Но мне пофиг. Наоборот, я хотел бы видеть её лицо, когда до неё дойдёт, зачем я это сделал.

Спрятав трофей в кармане брюк, захватил свои вещи и вышел.

Ника стояла рядом. Весь её вид выражал явное недоверие.

В чём она меня подозревает, интересно? Если в том, что вечером я собираюсь подрочить, надев на лицо её трусы, то она права.

Нездоровая улыбка вновь растекается по довольной физиономии.

– У тебя всё в порядке? Ты красный.

Я замечаю, как её рука тянется к моему лбу, и ментально кончаю от одной мысли, что она сейчас дотронется до меня.

Но в её глазах что-то мелькает. Уверен, это внутренний компас правильной девочки (или правильной училки?) указывает ей не касаться меня. И я его ненавижу. Она убивает

руку.

– Проходи на кухню. Я поищу градусник. – Машет рукой, больше не глядя на меня.

А я уже скучаю по её вниманию. Мне действительно жарко. Но это не от простуды.

Прикрыв область паха своими же вещами, я по запаху нашёл кухню.

– Варвара Степановна меня зовут, – представляется бабушка, забирая из моих рук моток мокрой одежды, пряча его в пакет, который ставит у входной двери. Чтобы я, уходя, не забыл своё шмотьё.

– Приятно познакомиться, Варвара Степановна. – Пытаюсь вспомнить уроки хороших манер, которым меня учила мама.

Варвара Степановна удовлетворённо оглядывает меня, словно ей нравится, что у вещей её почившего мужа появилась новая жизнь.

Меня удачно сажают спиной к окну. Аромат домашней еды путает мысли. И я громко сглатываю слюну, когда передо мной оказывается глубокая тарелка борща – рассчитанная явно на крупного мужика, бородинский хлеб, зелень и сало.

– Спасибо, – невнятно благодарю, погружая ложку в суп.

– На здоровье.

До меня доходит, что следовало бы подождать Нику, лишь тогда, когда она вошла на кухню. Мой взгляд завис над изучением её домашней одежды. Но я тут же понял, что она ни-

когда не облачилась бы в неё передо мной. На ней была обычная кофта и джинсы.

И несмотря на то, что всё выглядело скромно, я всё же не мог не заметить, как джинсы обтягивают её крутые бёдра. Демонстрируя чуть больше, чем её обычные скучные костюмы.

Запечатлел этот кадр в своём сознании, чтобы вернуться к нему позднее.

Ника молча положила рядом со мной на стол ртутный градусник. И больше на меня не смотрела. Лишь бросала недовольные взгляды на бабуку. Явно пытаюсь донести до неё, что пригласить меня в дом было очень плохой идеей.

– Стас скоро придёт, – глядя старухе в лоб, сообщает Ника.

Напрягаюсь. Пытаюсь вспомнить всех Стасов в школе. Может быть, она репетитором подрабатывает?

Бабушка фыркает. Хочет что-то сказать, как раздаётся звонок.

Я буквально кожей ощущаю нервозность училки. Бросаю на неё внимательный взгляд.

Слежу за тем, как она встаёт из-за стола. Направляется к двери. Отворяет её.

– Привет, Никусь, – раздаётся гнусавый (как мне показалось) мужской голос, от которого желчь поднялась по пищеводу.

Я подался вперёд, наблюдая за тем, как училка принимает

букет похоронных цветов. Кто, блядь, дарит красные гвоздики? Он что, не смог заработать ей на розы? Ника целует его в щёку, обнимает.

Мне хочется снять с него кожу в тех местах, к которым она к нему прикасалась. Злость медленно закипает, нагревая кровь.

И тут этот неудачник поворачивается ко мне.

Хмурится. Смотрит на меня с немим вопросом.

– Стас, – каким-то слишком высоким голосом произносит его имя, – это мой ученик – Тамерлан Керимов.

Она явно пытается оправдать моё присутствие в своей хате.

Я выпрямляюсь, откидываясь на спинку дивана. Смотрю на него изучающим взглядом. Пытаясь понять, чем он может оказаться лучше меня.

Как минимум он ниже сантиметров на двадцать. Думаю, и в трусах у него сантиметров на двадцать меньше.

Судя по его взгляду, я ему тоже не нравлюсь. Это меня радует. Значит, он соображает, что я его соперник.

Стасик протягивает ко мне свою потную руку. Я, поднимаясь,жимаю её. Затем вытираю о дедовские брюки. Жест не ускользает от внимания Варвары Степановны. И я по инерции зачем-то подмигиваю ей.

За столом завязывается какой-то скучный диалог.

Ника щебечет. Интересуется у Стасона, как прошёл его день. Меня тошнит.

Я с трудом досаживаю до конца ужина. Бесконечно бесят влюблённые взгляды, что училка бросает в сторону этого недоумка.

Неужели она не видит, какой он нелепый? Уже плешивый. Хотя сколько ему? Уверен, нет и тридцати.

В голову приходит идея «поговорить» с ним после ужина. На улице. Донести, что она моя.

– Я думаю, тебе пора, Тамерлан, – Ника обращается ко мне, вложив в голос всю свою строгость.

Мой взгляд перебегает с неё на её таракана. От мысли, что, как только я уйду, он запустит руки ей в трусы, мне становится дурно.

Нацепляю на лицо улыбку. Не сомневаюсь, что она получилась злой и неестественной.

– Проводите? – Киваю на дверь. – Хотел спросить кое-что... по завтрашним урокам.

Училка смотрит на меня недовольно. Но всё же встаёт, следуя за мной. Я с отвращением надеваю свои мокрые кеды. Выхожу в тамбур и оборачиваюсь к ней.

– Он вам не подходит, – заявляю ей в лоб, наклоняясь к её лицу.

Меня вновь окутывает запах её кожи. Дурманит. Мешает мыслить.

Она хмурится.

– Это не твоё дело. Уходи.

Ощущаю её возмущение. Но оно меня не колышет.

– Моё.

Глава 11

Вероника

– Здесь недавно проходил ремонт. Клуб заново открылся. На верхних этажах есть развлечения, которые помогут тебе снять напряжение. Кстати, когда у тебя последний раз был секс?

Бросаю быстрый взгляд на подругу, ощущая дурацкое смущение. Хотя, казалось бы, мы взрослые люди и обсуждать сексуальную жизнь – нормально. Просто мне было абсолютно нечем похвастаться.

– Давно. – Сглатываю, старательно изучая интерьер ресторана, расположенного на втором этаже. – Со мной пытались познакомиться в Армении. Но... это было не то, что меня волновало в тот момент.

Ирка кивает с умным видом. Будто подбирает недостающие пазлы для моего психологического портрета.

– По тебе видно, что у тебя недотрах, детка. Я знаю, что ты пережила нелёгкие времена. Но, знаешь, ты не можешь всю оставшуюся жизнь прятать себя в безопасном уголке своего сознания.

Хмурюсь.

– Что ты хочешь сказать?

Слова подруги неприятно кололи.

– То, что ты десять лет бережёшь свое тело, как монашка.

И то, что один мудака с тобой так плохо поступил, вовсе не значит, что все мужики такие, — глубокомысленно заявляет, когда мы подходим к хостес. — Столик на двоих у окна. Бронь на Могилёва.

Понятия не имею, кому принадлежит эта фамилия.

— У него похоронный бизнес — представляешь, какая ирония? — Подруга строит смешную рожицу, пока девушка ведёт нас к нашему месту.

— В его компании, очевидно, не бывает трудных времён. — Морщусь.

— Да! — Иринка весело кивает. — Смертельная стабильность.

Официант с вежливой улыбкой оставляет перед нами меню и даёт время определиться с выбором.

— Я не просто так спросила про секс. В Москве, откровенно говоря, туго с мужиками. Особенно с теми, кто мог бы отнестись к твоим потребностям с должной степенью... заботы. — Ира посылает мне знающий взгляд.

Тру указательным пальцем межбровку, печалась, что после этого разговора у меня появится глубокий залом.

— К чему ты клонишь, Ир?

— В этом месте есть множество развлечений. — Она подаётся ближе ко мне. Её глаза отчаянно горят, будто одна мысль об этом её уже возбуждает. — На пятом этаже ты можешь облачиться в маску. И наблюдать, как другие трахаются. Или присоединиться к ним.

Я смотрела на подругу, заливаясь румянцем с головы до пят.

– Я не настолько безнадёжна, чтобы платить за чужой секс! – слова буквально слетели с моих губ. И я поздно спохватилась, что произнесла их слишком громко.

Я судорожно уставилась в меню. Интересно, а здесь подают цианид?

– Эй, малышка, я не имела в виду ничего подобного. Просто... очевидно, что кроме Стасика у тебя никого больше и не было. Ты хотя бы раз кончила с ним? И я не о тех случаях, когда ты дорабатывала за ним, закрывшись одна в ванной комнате со шлангом от душа.

Ирку в этой жизни вообще ничего не смущало. Она даже не подумала понизить тон. Я напряжённо оглядела зал, пытаясь сообразить, мог ли кто-то слышать наш исключительно познавательный диалог.

И сердце покатилося вниз, больно ударяясь о кочки, когда я встретила глазами со своим... шефом.

Керимов, или как его там, сидел через несколько столиков от нас и смотрел на меня так, будто я ожившая статуя Ленина. Шокированно и напряжённо.

И я в ответ подарила ему такой же взгляд – оленя, попавшего в свет фар на ночной трассе.

С трудом переборолла острое желание стечь под стол, а потом тихо отползти в сторону выхода.

Мой взгляд переместился к той, кто составляла ему ком-

панию. Ожидала увидеть рядом с ним Нелли. Но... это оказалась совершенно другая девушка.

Подруга, заметив, куда направлено моё внимание, обернулась всем корпусом.

– И кого это ты там увидела?

– Повернись обратно, – зашипела на неё, выпучив глаза.

– Вау, – довольно громко присвистнула она, – это кто такой и почему он на нас так смотрит? Или, погоди-ка. Он смотрит на тебя?

– Это Керимов. Тамерлан.

Слова падают камнем в воду.

Весь игривый запал подруги тут же охлаждается до минусовых значений. Она бледнеет. На щеках появляется румянец. Но уже другой. Злой.

– Вот сучёныш, – теперь наступил её черёд по-змеиному шипеть.

К нам возвращается официант. Я в полном раздрае, чтобы понять, что вообще хочу съесть. Хотя после долгого рабочего дня и скромного обеда у меня в желудке дыра. Прошу подругу выбрать что-то для меня самостоятельно.

Мне не хочется находиться на одной территории с Керимовым. Точнее, теперь он Ямадаев. Но, когда я бросаю украдкой взгляд в его сторону, он больше на меня не пялится. Наоборот, он весь поглощён своей собеседницей.

Выдыхаю.

Подруга выглядит задумчивой. Словно пытается сложить

в голове уравнивание, но каждый раз ошибается в расчётах.

– Говори уже. – Толкаю её под столом ботинком в ногу.

– Должна признать, этот психопат очень хорош собой. Как думаешь, он до сих пор что-то испытывает к тебе? – Ирка бросает на меня любопытный взгляд. Будто я должна знать ответ на её абсолютно дикий вопрос.

– О боже, нет! Точно нет. – Интенсивно качаю головой. – У него даже невеста есть.

Наличие которой, кстати, не мешает ему ужинать с другими.

Я коротко пересказываю подруге всю нелепость ситуации, в которую попала. О том, что я теперь на него работаю. О его невесте – моей бывшей ученице. И его озабоченном дружке. Не забывая упомянуть, что оба этих элемента свидетельствовали на суде против меня. А когда меня оправдали – в их жизни ровным счётом ничего не изменилось.

Постепенно наш стол обрастает едой и напитками.

К моему недовольству, Тамерлан всё ещё сидит в одном со мной зале. И явно никуда не спешит. Меня раздражает злость. Но я привычно утрамбовываю её в себе, пряча подальше.

Запиваю её терпким вином, который выбрала подруга.

– Всё это крайне странно, Ника. – Ирка украдкой оборачивается, чтобы взглянуть на моего шефа. – Но должна признать, он невероятно горячий. Будь я тогда на твоём месте, меня было бы за что посадить. Чёрт возьми.

– Очень смешно.

Я тысячу лет не пила алкоголь, и теперь даже от одного глотка ощущаю, как мышцы отпускает напряжение, а голова становится лёгкой.

– Интуиция подсказывает, что он всё подстроил. Не верю я в такие совпадения. – Ирка хитро щурит глаза, вновь обращиваясь в его сторону.

– Что ты хочешь сказать? Что он намеренно выследил меня и сделал так, чтобы я устроилась к нему на работу?

Конечно, эта мысль тоже меня посещала. Но я гнала её от себя подальше. Потому что меня слишком пугали его возможные мотивы.

– Готова поставить на кон печень.

Я встряхнула головой. Взгляд вновь упал за плечо подружки. Как раз в тот момент, когда Тамерлан, по-хозяйски положив на поясницу девушки широкую ладонь, направлял её к выходу из ресторана.

Как только он пропал с радаров, дышать стало легче. Напряжение ушло, как воздух из проколотого шарика.

– Он уничтожил меня, Ир. Дело даже не в тюремном заключении, а в том, что из-за его поступка моя личность... переформатировалась. Я стала совсем другим человеком. Я потеряла себя. – В горле застрял ком. Сцепила челюсть. Я не буду из-за него реветь.

Ощущаю, как тёплые пальцы мягко сжимают моё запястье. Вливая в меня своё участие и поддержку.

Трачу несколько минут, чтобы восстановить дыхание.

– Поэтому я хочу его уничтожить. Поможешь мне в этом? Её безумные глаза загораются.

– У меня есть связи на кладбище. – Она двигает бровками, напоминая про своего ухажёра.

Слабо улыбаюсь.

– Нет. Это слишком просто и быстро. – Кусаю нижнюю губу. – Я ведь теперь его подчинённая. Думаю, этим можно как-то воспользоваться. Например, слить информацию о его планах конкурентам.

– Коммерческий шпионаж? – Она щурит глаза, напоминая лисицу.

– Да. Я сделаю подборку компаний-конкурентов. Сможешь выйти на них?

Блеск в глазах подруги медленно затухает.

– Детка, ты ведь понимаешь, что рискуешь. Разве он стоит того?

– И это мне говорит девушка, которая отсидела за убийство своего парня? – Смотрю на неё круглыми глазами.

– Он заслужил, – равнодушно заявляет, пожимая плечами. – А ты сидеть второй раз – нет. Подумай хорошо.

Обижаюсь на неё за эту рациональность.

– Детка, уничтожить мужика можно по-разному. Найди его слабые места. Хотя я уверена, что уже знаю одно такое местечко.

Я всё ещё раздражена. Но не могу отрицать, что её слова не лишены логики. Угодить вновь из-за него в тюрьму мне

не хотелось.

– И какое же? – Сомневаюсь, что она могла бы успеть оценить его настолько глубоко по одному взгляду.

– Ты, конечно.

Глава 12

Сказала, как ледяной водой окатила.

Мне мерзко даже помыслить, что я ему когда-то была действительно симпатична. Люди не относятся так к тем, кто им нравится. И уж тем более к тем, к кому они питают слабость.

Признать, что всё его поведение связано с влюблённостью ко мне, – всё равно что ступить на путь прощения. Будто его чувства – это какое-то смягчающее обстоятельство.

Но нет. Я уверена, что он просто хотел меня унижить. Преподать злой урок. В отместку за моё равнодушие.

– Бред. – Я злюсь. – Он психопат. Я не его слабость. Он... наверное, хочет завершить начатое. Не знаю, какой там у него на меня план.

Ирка качает головой.

– И чего бы ты больше всего хотела? – Она смотрит на меня участливо. Как смотрят мамы на неразумное дитя.

Мой взгляд скользнул к тому столику, что недавно занимал Тамерлан с девицей.

Ещё вчера мне хотелось разорвать рабочий контракт. И больше никогда не видеть Тамерлана. Но чем больше проходило времени, тем сильнее мне казалось, что я не должна всё оставлять как есть.

Моё нутро жаждало возмездия. Кроваво и алчно. Зло должно быть наказано. А меня буквально съедала мысль, что

никто из них не понёс наказания за то, что они сотворили со мной. С бабушкой. С нашими жизнями.

– Я не могу всё это так оставить, Ир. – Отвожу от неё взгляд, не желая показывать слабость.

– Думаешь, я тебя не понимаю? – Она заглядывает мне в глаза, удерживая зрительный контакт.

Да, я точно знала: если кто на этом свете и может меня понять, так это девушка, убившая своего парня, который подвергал её насилию.

– Не горячись, детка. Следи за ним. Если нужно – играй по его правилам. Найди другие его слабые места. Хотя уверена, что именно ты – его криптонит. И если ты считаешь, что возмездие возможно только через шпионаж – мы воплотим эту идею в жизнь. Ну, а в крайнем случае Бог его простит, а мы приблизим их встречу.

Она подмигивает мне, давая понять, что поддержит любой план.

Боже, за что мне дали такого друга?

Выдыхаю.

Ирка вызвала трезвого водителя, который довёз меня до съёмной квартиры в спальном районе.

– Вы тут пока живёте? – Она с кислой миной изучала унылую обстановку двора.

– Да... но, три «ха», через пару месяцев мне обещали служебное жильё, – произнесла я без всякой надежды.

– Ну да, ну да, – протянула она задумчиво.

Попрощавшись, я добралась до пустой квартиры. Бабушка пока находилась в больнице, но скоро я должна была забрать её домой. В тишине коридора я просто сползла на пол. Прямо на придверный коврик. Когда алкоголь перестал бурлить в крови, меня с головой накрыл липкий страх.

Куда я лезу? Зачем мне эта месть? И против кого? Тамерлан богат и успешен. А я из себя ничего не представляю. Так, сгусток ненависти и старой боли. Слишком взрослая для начинающего специалиста, каким числюсь. Слишком обыкновенная для девушки, которая жаждет вендетты.

Слова Иры всё ещё гулом отдавались в голове. Как эхо в пустом колодце.

Его слабое место.

Сюр.

Не помню, как добралась до кровати. Остатки алкоголя окончательно выветрились из меня по пути на работу. С непривычки голова противно трещала. Я запила эту боль стаканом крепкого кофе, надеясь, что смогу сфокусироваться на мониторе, и поклялась себе больше никогда в жизни не пить среди недели.

– Гаечка. – Из-за угла вылетел Игорёк, напоминающий выпавшего из гнезда воробышка. С торчащими во все стороны волосами и красными, воспалёнными глазами.

– Привет. – Я поправила на плече лямку рюкзака, с опаской смотря на бывшего руководителя.

– Пойдём, провожу тебя... в новый кабинет. – Он как-то

напряжённо улыбнулся.

Чёрт.

И тут меня накрыло осознание, что теперь я обречена ежедневно контактировать с шефом. Будь он неладен. Вокруг царила суматоха: коллеги искали свои новые рабочие места после вчерашней встряски. Офис был поделён на разноцветные сектора – метки команд-разработчиков.

Наша оказалась фиолетовой.

Игорь привёл меня в просторный кабинет. Пять рабочих столов образовывали своеобразный круг. Просто рыцари Камелота. Три места уже были заняты. Свободными оставались лишь два – мое и, видимо, Нелли. Которую я пока не наблюдала.

Тамерлан уже занимал своё рабочее место и внешне будто ничем не выделялся среди остальных. Разве что выглядел слишком расслабленным. С раздражающей меня аурой власти и уверенности. Словно он в своей голове уже выполнил за нас всю работу, но хочет понаблюдать, как мы будем мучиться.

– Можешь занять любое свободное место, – ровным, ничего не выражающим голосом сообщил он, даже не соизволив оторвать взгляд от экрана.

Я замерла у порога, вцепившись побелевшими пальцами в картонную коробку со пожитками. Инстинкт самосохранения трусливо шептал занять место подальше от своего кошмара.

Но в сознание ядовитой змеей пробрались слова Ирины: «Играй по его правилам. Найди слабые места». И отложили там яйца.

Сглотнув ком, состоящий из битого стекла и паники, я пошла к столу, стоявшему в опасной близости от Ямадаева. Кожей ощущая на себе его удивлённый взгляд. Такого финта он от меня не ожидал.

Может быть, он занял это место для своей невесты? Но почему тогда не указал на другое свободное место?

Начала медленно обустраивать рабочее пространство. На самом деле было ещё довольно рано. В других отделах я наблюдала куда больше свободных мест – пока не все программисты подтянулись.

Мои размышления разорвал резкий стук каблучков. Дверь распахнулась, впуская в кабинет тяжёлый шлейф парфюма. Нелли. Впорхнула уверенной походкой невесты шефа, смерила присутствующих оценивающим взглядом и целенаправленно направилась ко мне.

– Встань. Я буду сидеть здесь, – процедила она, скрестив руки на груди. Тон не терпел возражений.

Я замерла, подняв на неё глаза. Смотрела в это идеальное личико и не могла поверить в то, что она так и не удосужилась вспомнить свою учительницу.

Десять лет назад эта девочка сидела за партой на моём уроке, а потом давала показания в суде против меня.

Но, блин, сейчас, стоя в шаге от меня, глядя мне в гла-

за, – ни грана узнавания. Абсолютно. Я была для неё просто незнакомкой, занявшей её место.

Как можно стереть человека из памяти?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

– Нель, займи свободное место, – жёстко приказал Тамерлан.

Он бросил на свою невесту пустой взгляд.

Маска уверенности на лице Нелли треснула. Идеальные черты исказила уродливая злоба.

– Ты шутишь? – её голос сорвался на визг, заполняя собой всё пространство кабинета. – Тамерлан! Ты серьёзно?

Мне захотелось закатить глаза. На губах невольно расползлась улыбка. Я вновь ощутила себя училкой, наблюдавшей, как капризная ученица хочет занять чужое место.

Вот ирония.

Краем глаза я уловила, как Тамерлан медленно откинулся на спинку кресла. Он, как хитрый лис, наблюдал за нами. Видит бог, я предпочла бы отрезать себе правую руку, но не делить его внимание с его невестой.

Я не планировала вступать в перепалку. Поэтому выбрала позицию стороннего наблюдателя. Шеф поднялся со своего места, взял Нелли под локоть и уволок в коридор.

Намеренно или случайно, но я довольно отчётливо слышала их приватный диалог, наблюдая за ними через стеклянные перегородки.

– Если не устраивает рабочее место, можешь уходить, –

даря девушке тяжёлый взгляд, бросил ей слова, как подачку. – Ты сама выразила желание поучаствовать в этом проекте. Тебя никто не заставлял. А теперь ты закатываешь истерики в первый рабочий день, когда могла бы тратить деньги в Милане?

Его голос звучал равнодушно и ровно.

Нелли бросила на меня взгляд, будто пыталась разглядеть что-то в виновнице их ссоры.

И тут, кажется, до неё дошло.

Её глаза расширились. На загорелой коже выступил яркий румянец.

– Это что... она?

Меня затошнило от них.

– Или садись на место, или выбываешь из проекта.

Тамерлан уже собирался возвращаться в кабинет, как она остановила его, вцепившись в рубашку.

То, что она прошипела ему, уводя в глубь коридора, я, к сожалению, уже не слышала.

Недолго думая, я перетащила свои вещи на рабочее место подальше от шефа. Но, когда они вернулись, Нелли выглядела пугающе присмирившей. Когда наши взгляды встретились, в её зрачках шли субтитры: «Я это так не оставлю. Ты за это заплатишься, сучка».

Здорово. Где-то я это уже видела.

– Возвращайся на место, Вероника. – Ямадаев кивнул на всё ещё свободный стол рядом с собой.

Если он мне ещё раз скажет «на место». Я ему кину команду «к ноге».

– Да мне и тут нормально. – Я пожала плечами, вертя в руках крышку от своего термоса.

Тамерлан преодолел разделявшее нас расстояние, обдавая меня ароматом своих дорогих духов. Молча забрал из моих рук термос и коробку с другими пожитками, после чего разложил их на столе. Рядом со своими. Под недоумёнными взглядами коллег.

Мне ничего не оставалось, как занять этот чёртов стол.

Дальше время незаметно пролетело в рабочей суете. Прошла общая планёрка. Шеф ожидал первые результаты уже к концу дня. Все находились на взводе. И каждая группа хотела выиграть денежный приз.

Я корпела над алгоритмами, пока желудок не начал тянуть заунывный мотив. Другие члены команды сидели на своих местах, приклеившись к мониторам, даже не вставая. Будто у них вместо трусов памперсы. А еда поступает к ним через внутривенный катетер, минуя рот.

– Я на обед, – бросила я коллегам, поднявшись.

Тут же ощутив на себе взгляд Тамерлана. Не знаю почему, но я чувствовала его почти физически. Кожей. Каждое место на теле, куда падал его взгляд.

Лишь покинув этаж нашей компании, я поняла, какая тяжёлая, даже давящая у него аура. И как стало легче дышать, когда его не было рядом.

Я спустилась на этаж, где располагались фудкорты, и бесцельно бродила, пытаясь сообразить, где можно поесть нечто напоминающее домашнюю еду. Пока бабушка была в больнице, я перебивалась одними бутербродами и отчаянно хотела горячего супа.

– Ника? – за спиной раздался знакомый голос.

Жар обдал лицо, захватывая шею и уши. Я медленно обернулась.

И увидела Стаса.

Своего жениха. Бывшего.

Глава 13

Стояла, хлопая ресницами.

Голос был знаком, но внешне за эти годы Стас сильно изменился. И, к моей досаде, даже стал выглядеть лучше.

На нём был отличный костюм. Может, и не пошитый на заказ в Италии, как у Тамерлана, но всё же дорогой и сидевший по фигуре. Которая, к слову, тоже оказалась ничего. Очевидно, Стас не пренебрегал тренажёрным залом.

И похоже, даже плешь на макушке «заросла». Видимо, деньги нашлись и на пересадку волос.

Вот это да.

– Привет. – Поздоровавшись, я вновь вернулась к изучению фудкорта. Но названия здешних заведений мне ни о чём не говорили и доверия не вызывали. Медленно двинулась дальше, игнорируя старого знакомого.

– Ника, ты тут работаешь? – у уха опять раздался его голос.

Хотелось смахнуть вопрос, как надоедливую муху. Но интуиция подсказывала, что Стас просто так от меня не отстанет.

Я какой-то грёбанный центр притяжения для людей из своего прошлого.

– Слушай, ты действительно считаешь, что я хочу вести с тобой светскую беседу? – Я склонила голову, пытаюсь сооб-

разить, что за тараканы копошатся у него в мозгу.

– Ты на меня обижена, – на этот раз ему хватило ума выдать нечто утвердительное, а не вопросительное.

– Имею право обижаться на человека, который поверил всем, но не мне?

О боже, сколько ночей я проревела из-за его предательства. Если Тамерлан был для меня чужим, то за Стаса я собиралась замуж. Как там говорится? И в горе, и в радости. Но, конечно, никакого горя со мной он переживать не планировал.

И даже не сам бросил. Ко мне в СИЗО пришла его мама...

Стас начал стремительно краснеть, как бывало всякий раз, когда что-то шло не по его плану. Забавно, что раньше эта черта мне казалась даже милой.

– Давай поговорим. Пожалуйста. – Он направил на меня щенячий взгляд. – Я увидел тебя издалека. Сначала даже глазам своим не поверил.

А я поняла, что он от меня не отстанет, пока не выскажется. Я даже догадывалась, что он хочет мне сказать и зачем. Ему, как хорошему мальчику, нужно снять с себя бремя вины. Видит бог, мне не хотелось накладывать на него епитимию и избавлять от грехов.

Но, оглянувшись по залу, я уставилась на Тамерлана. Он был там с другими ребятами из нашей команды. Включая Нелли. Удивительно, что её уговорили посетить заведение для простых смертных. А не ресторан, отмеченный звездой

Мишлен.

Перевела взгляд с него на Стаса, решив, что последний – худшее из двух зол.

– Ладно. Давай. Я голодная, не знаешь, где здесь можно поесть?

Стас засиял, как начищенный его матушкой медный таз.

– Да-да, конечно, тут есть заведения с неплохой едой. – Не решившись касаться меня, он, не отрывая от моего лица глаз, повёл вперёд.

И эти глаза метались по моему телу снизу вверх и обратно. Словно сканер в аэропорту.

Он завёл меня в небольшое кафе, уже полное народа. Отыскав столик у прохода, мы уселись в ожидании официанта. Столешница оказалась чем-то заляпанной и приправленной мелкими крошками, поэтому я сложила руки на бёдрах.

Есть уже не хотелось. Вид цветущего бывшего жениха испортил весь аппетит.

Официантка забрала заказ. Протёрла несвежей тряпочкой столик. Руки я оставила на бёдрах. И ощущала себя неимоверно несчастной.

– Я хотел извиниться. – Стас сидел, как школьник на уроке, забывший сделать домашнее задание. С лицом, полным горя и раскаяния.

Я натянула на лицо социально одобряемое выражение, молясь о том, чтобы эта попытка бизнес-ланчем поскорее подошла к концу. Час же не может длиться вечно, не так ли? Если

только мы не в аду.

– Я понимаю, что мне нет прощения, Ника. Я струсил. Просто малодушно и жалко испугался. Хотя обязан был остаться с тобой и защитить. Тогда... понимаешь, все улики оказались против тебя. И этот малолетний выродок... он ведь действительно всё время ошивался рядом. А мне ума не хватило понять, что он тебя подставил.

– Хорошо, – осторожно произнесла, не понимая, как реагировать на его исповедь.

– Пойми меня, моя жизнь только начиналась...

...а моя заканчивалась, значит.

– Мать каждый день твердила, что я сломаю себе жизнь, если останусь с тобой. Вызывала скорые каждый раз, когда я собирался навестить тебя в СИЗО. Это всё, конечно, меня не оправдывает. Я должен был быть рядом. А я... тебя предал.

Внутри всё скрутилось в узел. Давило, саднило.

Положа руку на сердце, вправе ли я была требовать от него безграничной преданности?

Я просто рассчитывала на честный разговор. На его визит. Я бы поняла, если бы он лично признался в том, что отказывается от меня. Но он решил поступить иначе. И отправил ко мне мать. Которая, не стесняясь в выражениях, объяснила мне, кем меня считает. Извращенкой и шлюхой.

– Я ведь так и не смог построить семью, – тихо продолжил бывший жених, глядя на свои сцепленные в замок руки. – Пытался, но... всё не то. Зато работу хорошую нашёл. Пашу

целыми днями, но вечером возвращаюсь в пустую квартиру. Мама умерла пять лет назад. Так и не увидев внуков.

– Мне жаль, – выразила ему искреннее соболезнование. У меня хотя бы осталась бабушка.

Мой взгляд скользил по представителям офисного планктона, выбравшимся на обед.

Стас заметно расслабился.

– Если тебе когда-нибудь понадобится помощь. Любая. Ты можешь обратиться ко мне. – Он протянул мне картонную бумажку с золотой гравировкой.

«Станислав Леонидович Волков.

Коммерческий директор “Азиатские Системы”».

Вернув на него взгляд, я поняла, что всё это время он непрерывно смотрел на меня. И к еде не притронулся. В его глазах плескалась такая неприкрытая тоска, что мне стало не по себе.

Стас потянулся через стол, словно намеревался коснуться моей руки. И в этот момент меня объял настоящий ужас. Должно быть, он прочёл его в выражении моих глаз и отдёргнул руку.

Я выдохнула.

– А ты как поживаешь? – Он вновь опустил глаза. – Предлагаю, насколько сложной была твоя жизнь. Когда я узнал, что с тебя сняли все обвинения, хотел связаться. Но никто не знал, где вы с бабушкой.

– Тогда мне действительно не хотелось иметь дело со сво-

им прошлым. – Я прикусила губу, надеясь на то, что он не захочет продолжать эту тему.

– Понимаю. Как бы там ни было, ты выглядишь чудесно. И, видимо, тоже работаешь в «Сити»? – Его взгляд стал пытливым.

Он явно пытался сообразить, как бывшая заключённая и скромная школьная учительница оказалась среди белых воротничков и стеклянных небоскрёбов «Сити». Рассказывать, как получала новое образование и пыталась выжить, – не хотелось. И совсем не уверена, что хочу каждый день встречаться со своим бывшим.

– Да, вроде того.

– Скажи, у тебя есть кто-то? Может быть, у меня есть второй шанс.

Я заметила, как его глаза буквально загорелись.

Боже. Нет. Спасибо.

Я судорожно попыталась придумать ложь, которая всё ещё давалась мне с огромным трудом. Сложно перестроиться и научиться новым привычкам, когда всю жизнь тебя учили быть правильной и хорошей девочкой.

– Кое-кто есть, – раздалось из-за моего плеча.

Я ошарашенно обернулась, уже зная, кого увижу за спиной.

Глава 14

Тамерлан

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

О том, куда потекла фантазия Стаса, догадаться было несложно. Я с трудом удержала себя от желания закричать: «Это не то, что ты подумал». Как жена, застигнутая в супружеской постели верхом на любовнике.

В то время как сам Ямадаев, будь он неладен, стоял с постной миной за моей спиной, давя своим ростом.

– Это... это...

Боже, я даже не представляла, что сказать.

«Это тот самый выродок, который в школе мне прохода не давал. Теперь он мой шеф. Но я всё равно его не домогалась».

Зачем-то встала из-за стола, сверля Тамерлана злым взглядом. Какого хрена он вообще к нам подошёл?

– Нам пора, Ника. – Тамерлан поднял руку с «Ролексами» (или какие ещё дорогие часы носят богачи?), демонстрируя мне, что время обеда подошло к концу.

У меня возникла мысль остаться со Стасом. Объяснить ему всё. Но потом... я задумалась: а зачем? Один раз он уже подозревал меня в нечистоплотности, в предательстве. Теперь пусть сам с этим разбирается.

– Пока, Стас. – Я подарила ему кислую улыбку, мчась вон

из кафе на энергии из злости и упрямства, ощущая, что за мной следует мой шеф.

– Какого хера ты вообще ко мне подошёл? – Я остановилась посреди косяка спящих в разные стороны людей, буквально задыхаясь от ярости. – У меня законное обеденное время.

Я вдалбливала ему в лоб каждое слово. Чувствуя себя при этом огнедышащим драконом. Только вместо огня с моего языка вылетали раздражение и колючие слова.

Боже, ненависть к нему просто не уместилась в рамках моего тела. Она пульсировала во мне, фоня сквозь кожу тёмной аурой.

– Не кипятись так, Кравцова. Помни, что я твой начальник. – Тамерлан скрестил руки на груди, наклоняясь ко моему лицу. Будто иначе, из-за исполинского роста, звук его голоса просто потеряется под сводами потолков в «Сити».

– Ты до сих пор помешан на мне, в этом дело? Не смог избавиться от своей гиперфиксации, настигшей тебя в шестнадцать лет? – Я приподнимаюсь на носки кроссовок, шипя в ответ. И сокрушаясь из-за того, насколько сильно уступаю ему в росте.

Вглядываюсь в высокомерное, идеально вылепленное кем-то, кто очень хотел насолить мне этими острыми, скульптурными чертами, лицо. Злясь из-за того, что проходящие девушки буквально млеют от Тамерлана. Задерживая на нём взгляд.

Хочется топнуть ногой и закричать: «Не ведитесь! Внешность – это ещё не всё. Он пустой, мстительный ублюдок».

– Ты очень высокого о себе мнения для такой мышки, как ты. – Он ухмыляется, сверкая глазами.

С силой сжимаю челюсть.

Мышка? С каких это пор?

– Тогда зачем ты помешал моему обеду? – мой голос перешёл с шипения на рык. Я буквально ощущала зарождающуюся в груди вибрацию, которая проходила через всё тело.

Тамерлан с деланным видом глубоко вздыхает. Словно собираясь объяснить мне нечто очевидное, всем понятное. Но только не моей глупой персоне.

– Ты выглядела так, будто тебя нужно спасать. – Он растянул губы в улыбке. – Это была всего лишь помощь. Шефа своей подчинённой. Не более того. Не надумывай там слишком много в своей маленькой головке.

Недоверчиво шурюсь.

Сучий потрох.

– Да кто тебя просил меня спасать? – Я буквально подпрыгиваю на месте от вибраций злости. – У меня было всё отлично!

Спасать? Он издевается!

– Вот как? – Его тёмные брови взлетели вверх. – А вид у тебя был такой, будто собираешься сползти под стол. Или ты планируешь вернуться к своему женишку?

Медленно опустила на пятки. Дрожа от напряжения под

его тёмным злым взглядом.

– А ты не в курсе, что у людей есть личные границы? – Меня буквально разрывало от осознания, что он нарушил мои. Вторгшись без спроса. Ещё и смеет меня допрашивать!

Я ощущала себя умирающим Тамагочи, вибрирующим и просящим спасти его. Или прекратить эти мучения разом с помощью перезагрузки.

Мы стояли нос к носу. Из Тамагочи я готова была перевоплотиться в чихуахуа, чтобы сгрызть его нос. И избавить девушек от душевных страданий по его модельной внешности.

Это было бы благородно и разумно.

– Пока ты работаешь в моей компании, у тебя нет никаких личных границ. – Тамерлан холодно улыбается, сверля меня своими зелёными глазами. – Считаю, ты моя собственность.

Собственность...

В памяти вспыхнули металлические решётки, прогулки по расписанию, серость и убогость бытия. Место, где я себе не принадлежала.

И всё по его вине.

– Ты больной ублюдок, – выплюнула эти слова в его лощёное лицо. – Нас связывает только трудовой договор. А не купчая на мою жизнь.

Тамерлан выпрямился. Оглянулся по сторонам. И я с трудом удержалась от потребности повторить его манёвр. Потому что ощущала на коже взгляды коллег. Хотя они находились вне поля моего зрения.

Кто-то за нами следит? Готова биться об заклад, его невеста среди десятков любопытных глаз.

Он встал ко мне ещё ближе. Смотрел на меня не моргая. Только зрачки расширились, поглощая радужку. Как у кота, готовящегося схватить мышь.

Непроизвольно задержала дыхание.

– Твой договор, Кравцова, составлен так, что разницы почти нет.

И вновь улыбка. Довольная. Сытая. Моими эмоциями. Злостью. Ненавистью. Он ими буквально упивался.

Ещё один шаг вперёд. Ленивый, размеренный. Наполненный угрозой.

Он словно хотел подавить меня. Или проверял на гибкость.

Из принципа не сдвинулась с места. Хотя всё моё естество кричало – беги. Наплюй на всё. Чёрт с ними, с этими долгами. Потом разберёмся. Ментальное здоровье важнее.

Но казалось, если сейчас отступлю, окончательно превращусь в растёртое пюре из брокколи.

Мы стояли настолько близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь ткань дорогущего пиджака. Запах парфюма – терпкий, с нотами табака и горьким звучанием полыни. Он заполз в лёгкие, как ядовитый газ. Вытесняя из них кислород.

Вздёрнула подбородок.

Люди обтекали нас с двух сторон, будто от нас шёл радио-

активный фон. С которым никто не желал сталкиваться. Или же нас принимали за сладкую парочку, выяснявшую отношения.

От последней гипотезы подкатила дурнота.

– Держись от меня подальше, Тамерлан, – процедила я сквозь зубы. – Меня тошнит каждый раз, когда я вижу твою физиономию. Даже не старайся сломать мою жизнь. Я уже была на её дне.

Я улыбнулась. Наверняка мой оскал выглядел весьма безумно. Хотя, уверена, таким его не напугать.

Тамерлан стиснул челюсть.

– Ты даже не представляешь, где находится дно. Ника.

Он произнёс это жутко спокойно. Так, что по моей спине пробежал холодок. А в следующее мгновение его крупная ладонь легла на мою поясницу, заставив меня подпрыгнуть на месте.

Я вперилась в него широко распахнутыми глазами, поражаясь его наглости.

– Убрал руку. Немедленно.

– Идём в офис. – Он проигнорировал моё требование, подталкивая вперёд. Отчего объятие превратилось в направляющую силу. – У нас через пятнадцать минут встреча по новому алгоритму. Опоздание карается штрафом.

Он убрал ладонь с моей поясницы. Но, пока шла, всю дорогу ощущала след от неё как отпечаток огня на коже. От которого останутся ожоги третьей степени.

– В жопу себе засунь свои штрафы, – выплюнула в лифте.
А что? Хочет уволить – пускай.
– Тебе засуну, – огрызнулся в ответ.
И улыбнулся кому-то, кто входил в лифт.

Глава 15

Лифт наполнялся людьми, утрамбовывая нас в жестяной коробке, как килек в банке. И с каждым очередным вошедшим я оказывалась всё ближе к Тамерлану. Это обстоятельство просто выводило меня из себя.

Но хуже всего было то, что он каким-то странным образом организовал вокруг меня зону отчуждения. Так что никто об меня не тёрся и не обдавал парами съеденного обеда.

От напряжения я вытянулась в струну, шумно дыша носом и ожидая, когда эта пытка закончится. И, о чудо, лифт взобрался на наш этаж.

А потом мой шеф, будто так оно и надо, вновь опустил ладонь на мою спину, направляя меня к выходу, пока работники «Сити» расступались перед нами, как море перед Моисеем.

Стоило лифту за нами закрыться, как я едва не воспламенилась.

– Если твоя ладонь ещё раз окажется рядом с моей спиной, я... – Если честно, трудно было придумать угрозу, когда ты буквально по плечо своему обидчику. – Я перегрызу тебе артерию. Или отравлю кофе. Выбирай, что больше нравится.

Боже, боюсь, в этот момент я действительно напоминала мелкого грызуна. Кого-то вроде мышки-полёвки, пытающейся забраться на голову кошке.

– Обеденный перерыв закончился, Кравцова. И ещё раз напомню тебе, что я твой босс. – Тамерлан размял шею, будто уже устал смотреть себе под ноги. Куда-то на меня.

Оглянувшись, поняла, что нас странно разглядывают. Напряглась и, желая поскорее оказаться подальше от Тамерлана, направилась в сторону кухни. Желудок после неудавшегося обеда требовал еды. Но пришлось обойтись кофе с молоком и быстренько сгрызть печенье.

Меня всё ещё потряхивало от случившегося. От беспардонного поведения Тамерлана. Оно злило. Бесило. Выводило из себя.

В кухню зашла Милана. Коллега из конкурирующей рабочей группы. Она медленно просканировала меня с ног до головы. Будто выискивая что-то.

– А ты не промах, – хмыкнула она, подобравшись к кофемашине.

– И как это понимать? – Свою брови, буравя её взглядом. После её манипуляций машина загудела. А сама девушка упёрлась бедром в столешницу, глядя на меня в упор.

– Подкатываешь к шефу, проработав тут всего ничего. У тебя губа не дура. Молодец. Быстро пойдёшь вверх по карьерной лестнице, – её слова лились из уст подобно мёду. Приправленному ядом.

Из-за несправедливых обвинений в груди зародилась дрожь. От нервного напряжения я металась между желанием нахамить и позорно сбежать из кухни, попутно стирая слёзы

с щёк.

– Если для тебя поездка в одном лифте приравнивается к прелюдии, то мне искренне жаль твою личную жизнь. – Я выдавила из себя подобие снисходительной улыбки, молясь, чтобы она не выглядела слишком жалкой.

Кофемашина аккомпанировала моим словам, выплёвывая тёмную струю эспresso в кружку Миланы. Мне тоже захотелось в неё плюнуть.

– Ой, да брось. – Она так сильно закатила глаза, что я начала беспокоиться, как бы их не заклинило. Пришлось бы ей всю жизнь так ходить. Но, к моей досаде, зрачки откатились в исходное положение. – Все видели, как он вёл тебя. За талию. Шеф никогда подобного себе не позволял.

Мои щёки непроизвольно покраснели.

Я с трудом подавила желание зажмуриться. Выругаться матом. Потому что Тамерлан в очередной раз, с присущей ему лёгкостью, порочил мою репутацию.

– Всё было не так.

Стоило словам слететь с губ, как я поняла, что совершила ошибку. Никогда нельзя оправдываться.

Забрав свою чашку, я уже почти покинула кухню, как мне прилетело в спину:

– Когда Нелли станет об этом известно, она добьётся твоего увольнения.

Хм.

Звучит почти как план.

Но, с другой стороны, я отчаянно желала получить выигрыш. Десять миллионов на дороге не валяются.

Остаток рабочего дня прошёл как в бреду. Тамерлан игнорировал меня, чему я радовалась. Нелли злобно поглядывала в мою сторону, но не предпринимала никаких шагов. Что удивляло. Я была уверена, что она зажмёт меня в углу и начнёт угрожать убийством.

Неделя работы пролетела незаметно. И всё это время мне приходилось наблюдать, как каждый буквально заглядывает Тамерлану в рот, нахваливая его идеи. Не могу сказать, что они были ужасны. Но, кажется, коллеги просто боялись подвергать его слова хоть какой-то критике.

В то время как сам Тамерлан наблюдал за своей командой с какой-то странной снисходительностью. Что меня безгранично бесило. Я догадывалась, что он тоже понимал, что лизоблюдство неизбежно приведёт нашу группу к краху.

Но я пока отложила эту мысль на самую верхнюю полку. В конце концов, он здесь шеф, а мы – пешки на его игровой доске.

Вечером, когда я вернулась в съёмную квартиру, тихо разулась, не желая тревожить бабушку, которую всего несколько дней назад выписали из больницы.

– Ох, Оля, они говорят, что я здорова, – голос бабушки, разговаривающей по телефону, звучал печально и устало, – видимо, я слишком старая, чтобы меня обследовать и лечить.

Должно быть, подруга бабушки ей что-то ответила. А я застыла, нахмурившись.

Бабушка никогда мне не жаловалась. Не говорила, что не так. После проведённого стентирования коронара она выглядела лучше. Дышала свободнее. Но оплаченное мной обследование не выявило патологий.

«Обычные дегенеративные возрастные процессы», – так мне сказали врачи.

А теперь, поняв, что медики просто забили на неё, я начала закипать. Тех денег, что я отдала за лечение и обследование, очевидно, оказалось слишком мало. Москва жрёт деньги, как ненасытное животное, а страховка, на которую я возлагала надежды, оказывается, была ограниченной.

– Бабуль, привет. – Я чмокнула бабушку в прохладную щеку, делая вид, что не подслушивала её разговор.

Она подарила мне привычную улыбку. А у меня защемило сердце – мы обе скрывали друг от друга, как нам тяжело.

Деньги... они решают такое множество проблем. И десять миллионов могли бы спасти нас обеих.

На следующий день я пришла в офис с решением выиграть в этой гонке.

Офис стремительно опустел – зумеры один за другим собирались за своим рафом на кокосовом молоке и поке-боулами.

Если протяну ещё немного, то упущу момент. Интуиция подсказывала, что, если попытаюсь преподнести свою идею

шефу наедине, он отмахнётся от неё.

Уж не знаю, зачем он держит меня в этой команде, но, кажется, не особо верит в мои успехи.

Тамерлан сидел за своим столом и, похоже, потерял счёт времени. Иногда, когда я, пересилив своё отвращение, обращала на него внимание, создавалось ощущение, что он погружен в работу больше всех остальных. Сливаясь с кодом, как с частью себя.

Он представлялся мне Нео из «Матрицы». Если бы его лишили руки, то на её месте появилась бы зелёная полоса системного кода, дополняющая его лучше протеза.

Я глубоко вдохнула, собирая волю в кулак, и целенаправленно повернулась всем корпусом к нему.

– Ваша идея с визуалом – откровенная хрень, – произнесла я громко и чётко, выдавая с головой, что репетировала эту речь с утра.

Стук клавиатур постепенно смолк. Я ощутила, как члены группы обратили на меня изумлённые взоры.

Тамерлан убийственно медленно поднял на меня глаза. В его зеленоватых радужках, сейчас напоминавших холодную ртуть, мелькнуло удивление. Будто он начисто забыл о моём существовании. Пускай я и сидела в метре от него. Но это никак не мешало ему игнорировать моё присутствие и идеи, которые я пыталась предложить. Раз за разом он отмахивался от них, как от назойливой мошкары.

– Вот как? – Он лениво отложил стилус. Откинулся на

спинку кресла. – Продолжай, Кравцова. Я весь внимание.

Захотелось ударить его и стереть это самодовольное выражение с физиономии.

– То, что вы одобрили вчера – давно не актуально на рынке. Если, конечно, идея не заключалась в том, чтобы воссоздать какую-нибудь раритетную игрушку. Ни Китай, ни Штаты такого уже не делают. Это прошлый век. – Я выдержала его безразличный взгляд, отчаянно борясь с желанием заткнуться.

– О, боже мой, – сбоку раздался наполненный сарказмом голос Нелли. – Вероника Степановна, вы вчера поиграли в «Симс» и вас озарило?

То, как она обратилась ко мне по имени и отчеству... звучало в её устах удивительно унижительно.

Послышались смешки Коли и Миры – других членов нашей команды. Они, подчиняясь стайному инстинкту, всегда велись на провокации Нелли. Хотя наедине со мной становились обманчиво милы.

Я сглотнула вязкую слюну, сжимая с силой кулаки. Лёгкие горели огнём.

– Нафталин, значит. – Он чуть склонил голову набок. – И что же предлагает мой бесстрашный стажёр?

То, как он произнес “мой”, заставило мой желудок сжаться. Пришлось мысленно считать вздохи и выдохи, чтобы подавить приступ тошноты.

– Настоящий страх. Из колонок криминальных новостей,

а не из выдуманных хорроров.

Весь вчерашний вечер я потратила, чтобы подобрать нужную визуальную подачу для игры, хотя это выходило далеко за рамки моих должностных обязанностей. Мне постоянно напоминали, что я всего лишь соринка в огромном механизме “ВикториНова”.

Я протянула Тамерлану свой рабочий планшет, чтобы он изучил собранные мной наработки.

– Представьте, – я повысила голос, чтобы слышала вся группа. – Жуткие тени, подползающие к тебе, пока ты просто листаешь ленту в телефоне и натыкаешься на новость о кровавом убийстве. Начинаешь оглядываться по сторонам, прислушиваясь к шорохам. Идешь и на всякий случай проверяешь, заперты ли замки. Но слишком поздно соображаешь, что твой мучитель уже забрался в дом и ждёт, пока ты уснёшь. Спрятавшись под кроватью.

Я замолчала, тяжело дыша и покрываясь красными пятнами.

Нелли фыркнула, собираясь выдать очередную колкость, но Тамерлан поднял руку, останавливая её жестом.

Он не отрывал взгляда от экрана планшета.

– Это... – Он наконец поднял на меня глаза, в которых плескалось нечто вроде одобрения. – Это неплохая идея, Кравцова.

Он медленно обвёл взглядом замершую команду.

– С этого момента Вероника руководит нашей командой

и принимает стратегические решения.

Я буквально задохнулась воздухом от этого финта.

Довольных этим решением не нашлось. Даже я не ожидала подобного поворота. Словно... он вновь меня подставил.

Вечером, бросая пожитки в сумку, я вся звенела от напряжения. И когда на короткий промежуток времени мы остались наедине, не удержалась.

– И зачем ты это устроил? – Без свидетелей я вновь обращалась к нему на «ты».

– Похоже, ты хочешь выиграть больше остальных. Почему бы и нет? – Он пожал плечами. – Это весело.

Вот мурак...

– Ну да, представь себе. Мне нужны деньги, чтобы избавиться от тебя.

Тамерлан вырос из-за стола и подошёл ко мне, нарушая социальную дистанцию.

– Если тебе нужны деньги, я могу перечислить тебе на счёт десять миллионов. Если ты. – Он изогнул губы в колючей улыбке. – Исполнишь мою юношескую фантазию.

Глава 16

Рука взлетела скорее инстинктивно, чем преднамеренно. Ладонь обожгло от столкновения с челюстью. Которая не только на вид была словно вылеплена из мрамора, но и на ощупь.

Клянусь, я ощутила, как по мне прошла ударная волна. От пощёчины лицо Тамерлана отъехало вбок. На щеке алел след моих пальцев.

– Я... Я... – Слова извинений уже вертелись на кончике языка.

Но затем красная пелена, наплывшая на глаза, когда он озвучил своё предложение, вновь начала сгущаться.

Уже привычная злость затопила мысли.

– Ты больной, – мой голос дрожал, но я продолжала изучать его щёку. – Наглухо отбитый психопат.

У меня в голове не укладывалось, как ему порой удавалось всех обманывать. Коллеги буквально боготворили Ямадаева. Я замечала, как он улыбался. Шутил. Расточал своё токсичное обаяние на всех, заражая им других, как вирусом.

Но за этим всем скрывалась чернота. Будто гангрена поразила его сердце и расползлась по внутренним органам. Нетронутой осталась только идеальная оболочка.

Ведь ему прекрасно известно, что меня осудили за его юношеские фантазии. И он посмел озвучить такое вслух,

будто намеренно измываясь!

Тамерлан наконец перевёл на меня тёмный взгляд. Сейчас напоминающий грозовое небо. И я непроизвольно подобралась.

– Можешь засунуть себе в задницу свои десять миллионов, Тамерлан, – слова лились непрекращающимся потоком, я отлично знала это состояние. Меня будто поставили на роликовые коньки и толкнули с горы. – И если ты думаешь, что я раздвину перед тобой ноги...

Я не договорила.

Тамерлан вдруг усмехнулся. Мрачно. Он отступил на полшага и окинул долгим насмешливым взглядом, заставив меня мгновенно почувствовать себя глупо.

– Раздвинешь ноги? – Он приподнял бровь, в его голосе звучала издёвка. – Вероника, остыньте. Моё предложение не касалось... вашей половой неприкосновенности.

– И чего же тогда ты хотел? – Смотрю на него сузив глаза, ощущая непреодолимое желание вlepить ему вторую пощёчину. Для симметрии.

– Может быть. – Он наклонился ниже, продолжая держать руки скрещенными на груди. – Чтобы моя правильная учительница математики убралась в моей комнате в костюме горничной.

Его глаза светились весельем. Будто моя злость – его топливо.

Я понимала, что он шутит. Как там было? Недоговарива-

ет. Но лжи как таковой не было.

Но мне вдруг захотелось проучить его. За десять миллионов рублей.

– Хорошо. – Вздёргиваю подбородок.

Улыбка сползла с его губ. Взгляд стал серьёзным. Колючим.

В эту игру можно играть вдвоём.

– Хорошо? – эхом повторил он, чуть понизив голос.

– Да, Тамерлан. Хорошо. – Я сделала шаг вперёд, вставая на цыпочки. Сердце билось где-то в горле, но усилием воли я заставила себя смотреть ему в глаза. – Десять миллионов. Наличными или на карту. И я уже заказываю в маркетплейсе хлоргексидин, чтобы вымыть твою комнату.

– Ты сейчас серьёзно? – переспрашивает как-то потерянно.

Что, жалко десяти миллионов?

– Тебя за язык никто не тянул.

Я безразлично пожимаю плечами, ожидая, когда он даст заднюю. Не настолько же он больной, чтобы подарить десять лямов за уборку комнаты.

Ведь не настолько?

Тамерлан оглядел меня с ног до головы. Будто желая убедиться в том, что разговаривает именно со мной.

– Отлично. – Он выпрямился. Отступил назад, создавая дистанцию. И смотрел на меня уже ничего не выражающим взглядом. – Пятьдесят процентов я переведу на твой счёт

накануне вечером – чтобы хватило денег на... хлоргексидин и тряпочку. А остальное – после.

Странный зуд прошёлся по моей коже. Возбуждение от мысли, что я могу получить такую огромную сумму, страх – оттого, на что я подписываюсь. И азарт.

Но я не верила до конца, что мы заключили настолько нелепую и дорогую сделку.

Бросив на него короткий взгляд, ожидала, что он отступится. Заявит, что одурачил меня. Но он по-прежнему стоял, смотря на меня пустотой своих чёрных зрачков. Я забрала свой рюкзак, направляясь к выходу.

– Кстати, костюм горничной я выберу сам, – кинул мне в спину, заставив остановиться.

Напряглась.

Готова биться об заклад, он примется искать его в секс-шопе.

– Если это будет что-то неприличное... – Я с шипением обернулась.

– Да-да, засунешь мне его в зад. Я уже понял, что ты неровно дышишь к этой части моего тела, – продолжил абсолютно серьёзным тоном.

Фыркнула.

– Жду тебя в субботу в одиннадцать утра, адрес напишу.

Я смотрела на него широко распахнутыми глазами. Суббота уже послезавтра.

Я не стала дожидаться, пока он скажет что-то ещё, и пулей

вылетела из офиса.

Десять миллионов. За уборку в костюме горничной.

Даже не знаю, кто из нас больший псих. Он, потому что предложил это в расчёте, что я расплачусь и убегу. Или я – что взяла его на понт и согласилась.

Выскочив на улицу, я жадно вдохнула прохладный вечерний воздух, пытаясь остудить пылающие щеки. Руки дрожали, когда я достала телефон и набрала номер Ирки.

– Кравцова, если ты звонишь сказать, что твой малолетний психопат снова довёл тебя до слёз, я прямо сейчас выезжаю бить ему морду, – раздался в трубке бодрый голос подруги, сопровождаемый звоном бокалов на фоне.

– Ир... – Я сглотнула, направляясь в метро. – Он не довёл. Я только что ударила его по лицу.

На том конце провода повисла пауза. А затем раздался радостный визг.

– Да ладно! Моя девочка! И что он? Расплакался? Вызвал охрану?

– Нет. Он... – Я зажмурилась, чувствуя себя полной идиоткой. – Он предложил мне десять миллионов. За уборку.

– Чего, блядь? – Подруга поперхнулась. – Ника, ты шутишь?

– Ир, я серьёзно! – я зашипела в трубку, оглядываясь по сторонам. – Он предложил мне десять миллионов, если я приеду к нему в субботу и уберусь в его комнате... в костюме горничной.

– О-о-о... – протянула подруга, и тон её голоса мгновенно изменился. Из сочувствующего он превратился в плотно-хищный. – Горничная. И ты, конечно же, гордо послала его на хер?

– Я согласилась.

– Вероника! – Ирка взвизгнула так громко, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха. – Ты моя золотая! Я всегда знала, что в твоём тихом омуте черти водятся! Да ещё и такие огромные!

– Да прекрати! – Я почувствовала, как лицо снова начинает гореть. – Я просто хотела утереть ему нос! Взять его на слабо. Я думала, он заднюю даст, когда поймёт, что я не повелась на провокацию. А он... он сказал, что сам выберет костюм и переведёт половину суммы завтра.

– Так, подруга, слушай меня внимательно, – голос Ирки стал предельно серьёзным, командирским. – Уборка уборкой, но тебе нужно срочно записаться в салон красоты.

– Зачем? – Я непонимающе нахмурилась.

– Ника, ты святая простота. – Ирка устало вздохнула в трубку. – Какой мужик отдаст десять миллионов за то, чтобы посмотреть, как баба машет пипидастром? Тем более этот твой Тамерлан. Костюм он выберет сам, ага. Спорим, там юбка будет заканчиваться ровно там, где начинается твоя совесть?

– Ир!

– Никаких «Ир»! Я сама тебя запишу. Будем делать тебе

тотальную эпиляцию твоей Матильды.

– Кого?! – Я чуть не выронила телефон.

– Писи, Ника! Писи! – хохотнула подруга, а я принялась озираться, боясь, что у этого позорного разговора могут найтись свидетели. – А то нагнёшься ты пыль под кроватью протереть в этом костюмчике, а там... ну, понимаешь. Не порть миллиардеру эстетику. За десять лямов у тебя всё должно блестеть ярче, чем диско-шар!

– Иди к чёрту, Филонова! – Я сбросила вызов, чувствуя, как краска стыда заливает не только лицо, но и шею.

«Эпиляция Матильды». Боже мой.

Я спрятала телефон в карман и быстро зашагала в сторону метро, пытаюсь убедить себя, что Тамерлан просто блефует. Что завтра не будет никаких переводов, никаких адресов и никаких костюмов.

Глава 17

Моё сознание расщепилось. Одна часть меня пребывала в полной уверенности, что его поведение – блеф. Что ни один разумный человек не станет платить десять миллионов за то, что он мне предложил. И поэтому я пребывала в умеренном спокойствии. Нарушаемом другой моей частью.

Которая знала, насколько Тамерлан мог быть отбитым.

Ирка взяла с меня слово, что после работы, в пятницу вечером, она приедет ко мне домой. Чтобы дожидаться его сообщения, будто это розыгрыш лотереи. И мы ждём результата.

Эту мысль, как и свои страхи, я упаковала в коробочку и отложила в дальний ящик. Потому что впереди был длинный рабочий день в новом нежеланном статусе. Я не хотела волноваться о чём-либо, что не касалось моих трудовых обязанностей.

Коллеги смотрели на меня с недовольством, явно считая, что я прыгнула выше головы. И недоумевали, каким образом стажёр мог стать руководителем группы.

В какой-то момент, перед обеденным перерывом, после того как я раздала задания, моё уединение нарушил Денис. Я не общалась с ним с того дня, как он обнаружил меня в закутке с Игорем.

Он зашёл в кабинет, облачённый в свой дорожный ко-

стюм. С видом человека, наслаждающегося жизнью на полную катушку. Его взгляд скользнул сначала по пустым столам, а затем остановился на мне.

– Вероника Степановна, видеть вас здесь – одно удовольствие. – Денис прошёл вглубь кабинета, устроив свою задницу на краю стола, который временно занимал Тамерлан.

Он смотрел на меня сверху вниз с ухмылочкой, будто пытаясь через мои зрачки проникнуть в мозг и покопаться в нём. Выведать секретики.

Но секретов не имелось.

Он вызывал во мне такое же отвращение, как Тамерлан и Нелли.

Я выпрямилась на стуле, стараясь неглубоко дышать, потому что слишком интенсивный (будто он надушился прямо перед тем, как зайти в кабинет) аромат его одеколона вызвал резь в глазах и носу.

– Чего не могу сказать, видя вас. – Я перевела взгляд на экран монитора. Но текст расплывался. Мне хотелось поскорее избавиться от неприятного общества.

– Не злитесь на меня, Ника, – Денис сменил тон, по-прежнему заглядывая мне в глаза. Меня забавляло, что он считает себя настолько привлекательным, что я клюну на его уловки. – Всё же мы были детьми. А то, что произошло...

Не выдержав, я поднялась из-за стола.

Я тоже когда-то была школьницей. Ребёнком, оказавшимся в трудном положении. Но... мне и в голову не приходило

оговорить невиновного.

– Не нужно. – Я нацепила на лицо подобие улыбки, направившись к выходу.

Но Денис в пару шагов преградил мне путь у входной двери.

– На самом деле я хотел бы загладить свою вину. – Он улыбался. – Может, поужинаем как-нибудь?

Мои брови поползли вверх от подобного предложения.

– Вы... загладите вину, если перестанете мозолить мне глаза, – озвучила своё искреннее желание.

Денис нахмурился. Смазливый мальчик не привык получать отказы.

Я прошествовала мимо него в сторону лифтов. Странно, но в его обществе моё сердце никогда не колотилось так испуганно, как при Тамерлане.

Может быть, потому, что настоящая угроза исходила именно от Ямадаева?

В кафетерии, что приглянулся мне, все столики оказались занятыми. Я с грустной миной устремила к выходу, как краем глаза заметила машущую руку.

Стас.

Первым порывом было сделать вид, будто я ослепла. А после того, как он прокричал моё имя на весь зал – ещё и оглохла.

Преисполненная печали, я всё же направилась в сторону бывшего жениха, ощущая на груди тяжеленный груз, меша-

ющий мне дышать.

Но, несмотря на это, весь обеденный перерыв я зачем-то слушала историю его жизни. Сложности, с которыми ему пришлось столкнуться.

Посмотрела бы я на него, если бы обстоятельства вынуждали его принимать общий душ с кучей агрессивных осуждённых.

Но зачем-то всё равно кивала. И не понимала, почему просто не могу встать и уйти. Всё же воспитание хорошей девочки въелось в подкорку мозга.

Пару раз оглянулась, ощущая, как некто сверлит мой затылок. Но так и не смогла определить, чей взгляд так жжёт кожу.

К моему удивлению, весь остаток рабочего дня прошёл в обычном режиме. Тамерлан делал вид, будто меня не существует. Два члена команды с натянутыми улыбками слушали мои предложения, но не спешили браться за работу. А Нелли куда-то пропала. Казалось, команда утратила всякий интерес к победе. Но я не спешила сдаваться, с головой погружившись в работу.

После напряжённой недели мне явно требовался антистресс.

Мы сидели с Ирккой на тесной кухне моей съёмной квартиры. Дверь в коридор была плотно прикрыта, чтобы не разбудить бабушку, которая уснула около часа назад, выпив свои таблетки.

В центре стола возвышалась наполовину пустая бутылка «Совиньон Блана», а между нашими бокалами покоилась огромная пачка чипсов со сметаной и луком и роллы – идеально-греховный ужин, за который можно часик повариться в адском котле.

Стрелки на настенных часах перевалили за половину одиннадцатого.

Я сделала большой глоток вина, чувствуя, как алкоголь наконец-то расслабляет сведённые напряжением мышцы плеч.

– Я же говорила, – выдохнула я, закидывая в рот чипсину. – Он просто взял меня на понт. Хотел посмотреть, как я буду извиваться. Как угорь на сковороде. Ни один нормальный человек не станет платить такие деньги за... за это.

Ирка задумчиво покрутила ножку бокала, глядя на мой телефон с явным разочарованием.

– Ну не скажи. Это для тебя десять лямов – деньги. А для него – чаевые. Но, видимо, жаба его всё-таки задушила. Эх, а я уже мысленно потратила миллион на твои спа-процедуры и новую сумочку для себя за моральную поддержку.

Я нервно хрюкнула, чувствуя, как огромный колючий ком страха, который я носила в груди со вчерашнего вечера, начинает рассасываться.

Блеф. Это был просто жестокий блеф Тамерлана. Я выиграла эту маленькую битву не моргнув глазом, и он отступил. Победа!

Мы чокнулись бокалами, собираясь выпить за мою сме-

лость, как вдруг тишину кухни разорвал резкий вибрирующий звук.

Экран телефона вспыхнул, оповещая об эсэмэске.

Мы обе замерли.

– Ого, – прохрипела подруга, давясь чипсиной, когда увидела содержание сообщения.

Цифры. Слишком много нулей.

Я моргнула раз. Другой. Но текст не исчез.

«За услуги уборки».

Пять миллионов.

Воздух со свистом вырвался из моих лёгких.

– Мать божья... – благоговейным шёпотом произнесла Ирка. – Ника. Какой мужик.

Она схватила меня за плечи и принялась трясти, сдерживая визг только из-за спящей за стеной бабушки.

А я сидела, парализованная ужасом.

Пять миллионов. Аванс.

Это больше не казалось шуткой.

Ямадаев действительно только что купил меня на завтрашнее утро.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Мы с Иркой подпрыгнули на табуретках.

– Кого там чёрт принес на ночь глядя? – прошипела подруга, округлив глаза.

– Не знаю.

Я вышла в коридор, посмотрела в глазок. На лестничной

клетке никого не оказалось.

Щёлкнув замком, я приоткрыла дверь. На полу лежала оставленная курьером посылка.

Вернувшись к подруге, я положила коробку на кухонную столешницу. Чёрный матовый картон. Никаких опознавательных знаков. Только широкая атласная лента.

– Открывай, – скомандовала Ира. Её глаза горели нездоровым азартом.

Мои пальцы потянули за край ленты. Крышка поддалась с мягким шелестом. Под ней скрывалась чёрная папиросная бумага.

Я сглотнула вязкую слюну и отодвинула бумагу.

Внутри лежал он. Костюм.

Ирка бесцеремонно запустила руки в коробку и выудила на свет божий чёрную ткань с белыми кружевами.

– Так, посмотрим, что тут у нас за фантазии у мистера миллиардера, – пробормотала она, разворачивая вещь.

Верх костюма оказался на удивление целомудренным. Закрытый воротничок-стойка, длинные рукава с аккуратными белыми манжетами. Ткань на ощупь казалась плотной, дорогой. Глухой, строгий лиф, который подошёл бы институтке девятнадцатого века.

Я даже мысленно выдохнула. Возможно, всё не так уж и страшно?

Но затем Ирка встряхнула костюм, чтобы расправить нижнюю часть.

И моя челюсть с тихим стуком отвалилась.

Юбка... Если это вообще можно было назвать юбкой, состояла из нескольких слоёв пышного фатина и чёрного шелка. И она была катастрофически, неприлично, просто незаконно короткой.

Какой позор.

– Ого, – присвистнула Ирка, прикладывая костюм к себе. Подол едва прикрывал её бедра. – Беру свои слова назад, Кравцова. Твоя совесть начинается гораздо ниже, чем эта юбка. Если ты в ней нагнёшься с тряпкой, Ямадаев сможет изучить твою анатомию в мельчайших подробностях.

Она вытащила из коробки оставшиеся предметы: белый кружевной передник и чёрные чулки с подвязками.

Я закрыла лицо руками. Меня переполнял ужас.

Как ни крути, но то, за что он собирался заплатить мне огромную сумму, казалось невозможно унижительным. Захотелось тотчас перечислить ему эти деньги обратно. Но... я не смогла.

Мне нужны деньги. Бабушка стольким пожертвовала ради меня, что рядом с её утратой – мои жертвы ничто.

Утром в субботу я напялила на себя этот костюм. К моему сожалению, пришедшийся впору. И вызвала такси, не собираясь шокировать людей в метро, если вдруг полы разойдутся.

Машина остановилась перед величественным домом, построенным в готическом стиле.

Я выскользнула на улицу, судорожно вцепившись в пояс своего бежевого тренча. Хотя эта верхняя одежда совсем не подходила для прохладного начала апреля. Под ним я чувствовала себя практически голой.

Против воли отметила, что дом очень красив. Высокий козырёк, вымощенная дорожка, внутренний парк, ограждённый кованым забором.

Мужчина в костюме распахнул передо мной дверь. Я хлопала ресницами, не представляя, как следует себя вести.

Мне казалось, каждый встречный знает, зачем я приехала по этому адресу. И кем являюсь – дорогой (как выяснилось) эскортицей. У клиента которой фетиш на уборке.

Внутри пахло утончённым парфюмом для дома. Я оглядывалась по сторонам, вспомнив героиню Джулии Робертс, оказавшуюся в элитном отеле, который был ей не по карману и не по статусу.

Я назвала милому консьержу номер квартиры. Мужчина проверил мои данные и указал на нужные мне лифты.

Забавно, но, когда я вышла из лифта, меня встретила одна-единственная квартира на этаже.

Нажала на кнопку звонка.

Прошла минута. Потом другая.

И дверь распахнулась.

Тамерлан стоял на пороге, глубоко и тяжело дыша, – явно только что после жёсткой тренировки. На нём были лишь светло-серые спортивные штаны, неприлично низко сидя-

щие на узких бёдрах. И всё. Голый, скульптурно вылепленный торс блестел от свежего пота, а влажные тёмные пряди волос прилипли ко лбу.

Какая-то шальная капля медленно скатилась по рельефным кубикам пресса и исчезла за кромкой ткани, заставив мой взгляд залипнуть на этой траектории.

Пространство вокруг него казалось наэлектризованным, пропитанным жаром и запахом разгорячённого мужского тела. Мои глаза заслезились от уровня тестостерона.

На фоне этой животной физической мощи я ощутила себя ещё более уязвимой и нелепой.

Мне отчаянно захотелось развернуться и сбежать. Желательно на другой континент. Где никто не в курсе, что я продала своё личное время за деньги.

Тамерлан небрежно опёрся плечом о дверной косяк. Его грудная клетка всё ещё вздымалась от нагрузок, а потемневшие зелёные глаза с ленивым прищуром скользнули по моему тренчу. Словно он гадал, надела ли я его наряд или ослушалась.

– Пунктуальна, Кравцова, – хмыкнул он. Его низкий, слегка хриловатый голос эхом отразился от стен, пустив по моей спине ледяные мурашки. – Заходи. Твоё рабочее место уже заждалось.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.